

A movie poster for 'The Shaggy Dinosaur' (Колючий Бунт). The background features a fantastical, gothic-style castle with multiple spires and arches. A large, powerful waterfall cascades down the center of the castle. In the foreground, a young woman with long dark hair, wearing a green medieval-style dress, stands on a rocky outcrop, looking back over her shoulder towards the viewer. The scene is set against a bright blue sky. Several small figures of people are visible walking across the castle's bridges. Multiple vibrant rainbows are visible, emanating from the base of the waterfall. The title 'Колючий Бунт' is written in a large, stylized font at the top, and the name 'Фрея Морган' is at the bottom.

Колючий Бунт

Фрея Морган

Фрея Морган Колючий Бунт

<https://litres.ru/74420207>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одно паршивое утро. Одна грязная лужа. И один шаг, который навсегда стер границы между серой реальностью и ослепительным кошмаром. Очнувшись в мире величественных водопадов и ажурных мостов, Лана обнаруживает, что ее прежняя жизнь исчезла вместе с отражением в зеркале. Теперь на нее смотрят чужие зеленые глаза, а окружающие называют именем, которое ей не принадлежит. Здесь красота ранит острее меча, а за фасадом королевского блеска скрываются тайны, которые прежняя хозяйка тела предпочла бы унести в могилу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	46
Глава 6	59
Глава 7	71
Глава	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Фрея Морган

Колючий Бунт

Глава 1

Если бы мне предложили вернуть всё назад, я бы снова совершила ту же глупость. Хотя нет... совру. Убийство мексестреля было бы куда милосерднее, чем то, во что превратилась моя жизнь после. Будильник зазвонил ровно в шесть тридцать. Мерзкий, настойчивый звук, возвещающий о начале очередного дня в моей личной версии ада. Снова эта работа. Никчёмная. Малооплачиваемая. Молодежная практика, куда я загремела после колледжа по какой-то нелепой госпрограмме. Помощник бухгалтера в библиотеке — звучит как приговор для человека, который вообще не горел желанием вливаться в ряды рабочего класса. Честно? С моими способностями только отчёты и составлять. После трёх месяцев испытательного срока я поняла: я не умею ровным счётом ничего. Элементарная материальная ведомость превращается для меня, в китайскую грамоту. Наверное, стоило лучше учиться в школе, глядишь, нашла бы что-то по душе, а не этот бумажный плен. Это мой последний месяц здесь. Начальница — редкостная стерва, возомнившая себя святошей, — припечатала напоследок: Грубая, малосоображаю-

щая личность. Будто сама она — ангел во плоти. Да там весь коллектив — клубок высокомерных, ядовитых змей. Только и знают, что перемывать кости и шептаться за спиной. Ни одного доброго слова. Я даже рада, что меня не возьмут в штат. Я бы не пережила такого «счастья». Правда, есть одно «но»: что делать через месяц? Кто меня на работу возьмёт? Кажется, я даже полы мыть не гожусь. Чёртова несправедливость. Я умылась, вглядываясь в своё отражение. В зеркале застыла усталость. Должно же быть хоть что-то хорошее, — пронеслось в голове. В теории у всего есть плюсы, просто мои сейчас спрятались слишком глубоко. Дома было тихо. Мама, ставшая после увольнения «отчаянной домохозяйкой», ещё спала. Её привычка ворчать из-за каждой соринки уже стала частью интерьера. Отец-таксист давно уехал на смену; увидимся только за ужином. Младший брат — отдельная клиника. Мелкий придурок с дебильным характером. Недавно залез в мою комнату и моей же тушью для ресниц изобразил на листке бесформенную кляксу, подписав: Лана, это ты. Художник недоделанный. Завтрак чемпиона: кусок колбасы на хлебе и обжигающий чёрный чай. Смешная зарплата не оставляет шансов на гастрономические изыски, поэтому обед я собираю дома — экономия должна быть экономной. Октябрь встретил меня прохладой и серым небом. Я вышла на улицу в джинсах и кардигане, кутаясь от ветра. На остановке — огромная, зеркальная лужа. И надо же было какому-то уроду на БМВ пронестись именно по ней! Гряз-

ный фонтан окатил мои джинсы.

— Сволочь! — крикнула я вслед, но ему-то что?

Влажная салфетка сделала только хуже. Скомкав ее от бессильной злости, я швырнула ее в урну. И тут подошел автобус. Набитый, душный, словно бочка с селедкой. Контингент — отдельная песня: хмурые деды и пузатые мужики, от одного вида которых тянет на тошноту. Куда вы все претесь с утра? Я кое-как втиснулась в середину автобуса. Через пять минут автобус затормозил, и к выходу начал пробираться огромный, потный амбал. Он шел так, будто в салоне нет никого, кроме его туши. Я попыталась увернуться, вжалась в поручень, но этот козел специально задел меня.

— Смотри, куда прешь! — не выдержала я.

Годзилла остановился. Его свирепый, тяжелый взгляд заставил меня похолодеть. Я сглотнула и моментально уставилась в пол, чувствуя, как сердце уходит в пятки. Он постоял секунду, развернулся и вышел. Облегченный выдох. Еще три остановки. Еще один день, который нужно просто пережить. Выход из этого автобуса ощущался как глоток свежего воздуха после долгого погружения под грязную воду. Я буквально вывалилась на тротуар, поправляя сумку и пытаюсь унять дрожь в руках. Я стояла на асфальте, жадно вдыхая холодный октябрьский воздух с привкусом бензина и мокрой листвы. Внутри всё еще клочкотала ярость, смешанная с унижением от того, что я так струсила перед тем амбалом.

— Хватит. Больше — ни ногой в этот скотовоз, — проши-

пела я сама себе, провожая взглядом грязный хвост отъезжающего автобуса. — Лучше я буду вставать на час раньше, лучше сотру ноги в кровь, но больше не позволю этим потным «годзиллам» и вечно ворчащим бабкам нарушать мое личное пространство. Я мысленно проложила маршрут: сорок минут бодрым шагом дворами и через парк. Пешком. Только я, мои мысли и музыка в наушниках (если, конечно, они не сломаются, как и всё в моей жизни). Это решение принесло странное, почти торжественное удовлетворение. Пускай джинсы в пятнах от лужи, пускай впереди ждет стервозная начальница, но этот путь — от работы до дома — теперь будет принадлежать только мне. Я развернулась и зашагала к массивному зданию библиотеки, чувствуя, как осенний ветер колет лицо. Затем я посмотрела на часы: восемь минут девятого. Опоздала. Не успела я переступить порог, как наткнулась на «главное препятствие». Во внутреннем дворе, прямо у входа в основное здание, застыл директор библиотеки. Грузный, с монументальным животом, который едва удерживали пуговицы дорогого, но явно тесного пиджака, он напоминал старую жабу, охраняющую свое болото. Его взгляд прошелся по мне медленно и брезгливо. Так смотрят не на сотрудника, а на досадное недоразумение или на грязь, застрявшую между пальцами.

— Добрый день, — выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Добрый, ага, как же, — тут же ядовито отозвалось в голо-

ве.

Директор ничего не ответил. Он лишь окинул меня ледяным взглядом с ног до головы, задержавшись на грязном пятне на моих джинсах. В его глазах читалось такое высокомерие, будто каждую копейку моей мизерной зарплаты он отрывал лично от своего сердца и клал мне в карман. «Жирный козел», — мысленно припечатала я, проходя мимо него. Я чувствовала его взгляд спиной, пока не скрылась в коридоре. Весь этот храм знаний пропитался этой энергетикой: здесь тебя не учили, здесь тебя терпели. Поднимаясь по лестнице к кабинету бухгалтерии, я уже знала, что за дверью меня ждет продолжение «банкета». В кабинете уже стоял гул голосов. Мои коллеги — те самые «ангелы во плоти» — сбились в кучу у чайника. Стоило мне войти, как наступила резкая, оглушительная тишина. Они переглянулись.

— О, явилась, — протянула одна из них, не скрывая усмешки. — Лана, там на твоём столе гора первичной документации. Роза Мусаевна рвала и метала, что тебя до сих пор нет. Надеюсь, ты сегодня хотя бы цифры в столбик сможешь сложить без ошибок?

Я молча прошла к своему столу в углу, чувствуя, как внутри закипает глухая ярость. Первый час рабочего дня только начался, а я уже мечтала о том, как через месяц навсегда закрою эту дверь. Я только успела коснуться стула, как дверь кабинета распахнулась с таким грохотом, будто ее вынесли ногой. На пороге возникла Роза Мусаевна. В своем неизмен-

ном сером костюме, который сидел на ней как броня, и с лицом, выражавшим высшую степень мировой скорби, смешанной с гневом.

— Лана! — ее голос прозвучал как сухой выстрел. — Подойди сюда. Немедленно.

Я встала, чувствуя, как коллеги за соседними столами замерли, боясь пропустить зрелище. У некоторых на лицах заиграли предвкушающие ухмылки. Я подошла к ее столу, на котором горой возвышались злосчастные ведомости.

— Это что такое? — она ткнула пальцем в распечатку, по которой я вчера мучилась полдня. — Я спрашиваю: это что за художественная самодеятельность?

— Это материальная ведомость... — начала я, стараясь говорить ровно.

— Это мусор! — перебила она, швырнув папку так, что листы веером разлетелись по столу. — Ты здесь три месяца. Три месяца мы пытаемся вбить в твою голову элементарные вещи. Ты даже остатки по складу сосчитать не можешь! Зачем ты вообще заканчивала колледж? Чтобы сидеть здесь с отсутствующим видом и портить бумагу?

Ее голос сорвался на визг. В кабинете воцарилась такая тишина, что было слышно, как тикают старые настенные часы.

— Роза Мусаевна, я исправлю...

— Исправишь? Ты всё это время только и делаешь, что исправляешь! — она демонстративно вздохнула, обращаясь

уже не ко мне, а к остальным сотрудникам, как к группе поддержки. — Вы посмотрите на нее. Рубашка мятая, на джинсах грязь... В библиотеку люди приходят за культурой, а у нас в бухгалтерии сидит нечто, не способное даже за собой уследить, не то что за цифрами.

Она посмотрела на меня сверху вниз, и в этом взгляде было столько неприкрытого презрения, что у меня перехватило дыхание.

— Знаешь, Лана, я директору так и сказала: ты — абсолютно профнепригодна. Мало того, что соображаешь туго, так еще и характер колючий. Никакой субординации, никакой пользы. Слава богу, что твой срок истекает. Можешь идти на свое место, и не дай бог в следующем отчете я увижу хоть одну пометку. Свободна.

Я стояла перед ней, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. В ушах шумело. Мне хотелось высказать ей всё: и про ее маразм, и про их змеиный коллектив, и про то, что за такую зарплату они должны радоваться, что я вообще прихожу сюда трезвая и в сознании. Но я лишь молча собрала разлетевшиеся листы.

— Тяжело быть «одаренной», да? — прошептала Айжан, проходя мимо за кипятком.

Ничего, — думала я, глядя в экран монитора, где цифры расплывались от ярости.—Еще немного и я наконец-то уйду отсюда навсегда. Пусть сами гниют в своей пыльной библиотеке. Рабочий день наконец-то закончился. Холодный

октябрьский вечер быстро сгущал краски. Я натянула наушники, включая музыку на полную громкость, чтобы басы вытеснили из головы визгливый голос начальницы. Мир вокруг превратился в немое кино. Подходя к перекрестку, я увидела знакомый зеленый свет. Не вынимая рук из карманов, я шагнула на «зебру», глядя прямо перед собой. Я не слышала ни визга тормозов, ни рева мотора — только резкий, сокрушительный толчок в бок. Что-то массивное, тяжелое и холодное влетело в меня на полной скорости. Краем глаза, в последнюю долю секунды, я успела заметить знакомый блеск фар и хищный силуэт. Та самая БМВ. Тот самый урод. Грязь утром, смерть вечером — какая ироничная последовательность. Мир вспыхнул искрами и мгновенно схлопнулся в густую, липкую темноту. Боль исчезла так же быстро, как и пришла, оставив после себя лишь звенящую тишину. Я открыла глаза, ожидая увидеть белый потолок реанимации или хотя бы серое небо над асфальтом. Но вместо этого в лицо ударил ослепительный солнечный свет. Я лежала на спине, чувствуя под ладонями не холодный бетон, а сочную, высокую траву. В воздухе пахло не бензином, а медом и полевыми цветами. Тишина была неестественной — ни гула машин, ни криков города. Только стрекот кузнечиков и далекое пение птиц.

— Чтооо?...Где это я? — прохрипела я, пытаюсь подняться.

Голова кружилась. Я взглянула на свои руки и замер-

ла. Вместо серого кардигана и джинсов на мне было наде-
то странное, тяжелое платье из грубого льна пыльно-зеле-
ного цвета. Длинные рукава, какая-то шнуровка на корса-
же... Старомодно? Нет, это выглядело так, будто я попала на
съемки исторического фильма или в глухое средневековье. Я
огляделась. Вокруг расстилались бескрайние, залитые солн-
цем луга, уходящие к горизонту, где виднелась кромка гу-
стого леса. Никаких дорог, машин и зданий. Это не было по-
хоже на кому, всё было слишком реально. Не успела я прийт-
ти в себя, как над душой выросла девица. Странная такая:
уши острые, а одета — один в один как я.

— Вот ты где, Селебрин! — выпалила она вместо привет-
ствия. — Мы её по всему лесу ищем, а она, полюбуйтесь,
разлеглась тут, загорает под солнцем! А ну, живо во дворец!
Там горы немытых бокалов и тарелок, убираться некому, а
ты прохлаждаешься!

— Ты чего застыла?! — взвизгнула рыжая.

— Извините, — выдавила я, пытаюсь сохранить остатки
самообладания. — А вы, вообще, кто такая? И почему вы на
меня кричите?

— Не смей мне дерзить! — прошипела она, наклоняясь
так близко, что мне стало не по себе.

Я уставилась в её глаза. Они были какими-то... хищными.
Вокруг зрачков мерцали тонкие золотистые обручи. Линзы
нацепила что-ли? — пронеслось в голове.

— Через неделю венчание праправнучки короля! — Ты

и сама прекрасно об этом знаешь! — продолжала она распинаться. — Тебе не поздоровится, если они узнают, что ты валялась здесь как ленивая кобыла вместо того, чтобы работать.

Какой еще, к черту король? И какая праправнучка? — подумала я, но вслух сказать не успела. Девушка мертвой хваткой вцепилась в мою руку и потащила за собой.

— Эй! Отпусти меня! — огрызнулась я, пытаюсь вырваться.

В этот момент кусты которые находились в десяти метрах от нас затрещали, и на поляну вышел какой-то мужик в средневековых доспехах. Металл звякнул, отражая солнечные блики.

— Айриль! Ты все-таки нашла её? — раздался басовитый оклик.

— Да, — бросила через плечо рыжая ведьма. — Эта упрямец решила устроить себе выходной.

Когда «рыцарь» подошел ближе, я поняла, что это совсем не мужик, а молодой парень. Длинные каштановые волосы рассыпались по плечам, а из-под них... Черт возьми, у него были такие же острые уши! Холодок пробежал по спине. Куда я попала? Не в дурдом случайно? И почему это кажется слишком реальным для морфинового сна?

Глава 2

Мы шли по по этой бескрайней поляне бесконечные двадцать минут, если я не ошибаюсь, а может и больше пока за очередным скалистым выступом реальность окончательно не перевернулось. То, что я увидела дальше, было просто невообразимо. От дикого удивления я буквально открыла рот и офигела - другого слова мое онемевшее сознание просто не находило. Передо мной, словно вырезанный из цельного куска облака и горного хрусталя, высился исполинский дворец. Его белоснежные шпили вонзались в небо так дерзко, будто хотели проткнуть небо. Но настоящим безумием был гигантский водопад, который не просто находился рядом, а буквально прошивал всё здание насквозь. Огромные потоки ледяной воды с оглушительным ревом срывались с вершин, пролетая под ажурными каменными мостами, которые соединяли башни дворца на головокружительной высоте. Водяная пыль в лучах солнца превращалась в сверкающее облако, в котором дрожали десятки радуг. Мосты казались сплетенными из тончайшего кружева, и по ним, крошечные, словно муравьи, двигались фигуры в ярких одеждах. Это было так красиво и величественно, что на секунду я даже забыла про свои грязные джинсы, проклятый автобус и ту стерву, что тащила меня за руку. Мой мозг отказывался верить, что такая роскошь может существовать на самом

деле, а не на обложке дешевого фэнтези-романа. Мы начали спускаться. Бесконечные винтовые ступени вели нас всё глубже и глубже, подальше от сияющего солнца и свежего ветра водопадов. Воздух становился тяжелым, пропитанным ароматами жареного мяса, пряных трав и чем-то кислым, напоминающим чистящие средства. Наконец-то мы оказались в помещении, которое больше всего напоминало огромный средневековый цех. Это была кухня, но масштабы её пугали. Огромные каменные своды закоптились от вечного огня в печах, где на вертелах томились целые туши непонятных животных. Повсюду сновали слуги, гремя медными тазами и перекрикиваясь на своем странном певучем языке. Рыжая ведьма привела меня к массивному каменному столу, который буквально ломился от грязной утвари. Здесь были горы серебряных тарелок с остатками изысканных яств, причудливые кубки и тяжелые столовые приборы, украшенные резьбой. Айриль резко остановилась и, указав пальцем на этот металлический хлам, процедила:

— Вот твоя работа, Селебрин. Перемой всё до единой тарелки. И чтобы каждый нож сиял так, будто его только что выковала молния. Если к вечеру я увижу хоть одно жирное пятно - венчание принцессы станет твоим последним воспоминанием.

С этими словами она круто развернулась и, взметнув подол платья, скрылась в густом кухонном пару, оставив меня наедине с этой горой грязного «средневековья».

Мой взгляд упал на гору посуды, и из груди вырвался гневный выдох.

— Вы что, издеваетесь?! - прорычала я, едва сдерживаясь.
— Я вам не посудомойщица!

В руке оказался тяжелый серебряный кубок, с которого свисали остатки какого-то фруктового пюре. Инстинктивно я замахнулась, готовая со всей силы швырнуть его в каменную стену, чтобы хоть как-то выразить своё бешенство. Но вдруг я замерла. В отполированной, хоть и грязноватой поверхности кубка отразилось незнакомое лицо. На меня смотрела совершенно незнакомая девушка: острые эльфийские уши, обрамляющие лицо, ярко-зелёные глаза, сияющие из-под незнакомых, но удивительно густых ресниц. Волосы, кажется, были темно-синие или если проще говоря как в упаковке краски от гарньер, которое я так хотела купить но не хватало денег, иссиня-черный, или это игра теней на кухне? Твою же мышь! Это вообще кто? Неужели это... моё лицо? Вот черт! Проклятье! Сердце пропустило удар. Мало того, что я тут застряла да еще и оказалась в чужом теле! Это было уже слишком. Мне до боли захотелось расплакаться, но внезапно в голове прояснилось, и меня осенило. Что же, похоже, выбора у меня всё равно нет. Да и, если честно, возвращаться на свою дебильную работу в библиотеке мне не особо-то и хотелось. В конце концов, радикальная смена личности мне точно не помешает - отличный шанс узнать что-то новенькое, чего не встретишь в скучных бухгалтерских ве-

домостях. Интересно, как вообще здесь жила эта Селебрин? Судя по горе грязной посуды, не слишком сладко. Теперь мне придется всё аккуратно разузнать, действуя осторожно, чтобы не вызвать подозрений у этих остроухих. Но к сожалению, стены кухни начали давить на меня. Навалилось всё сразу: и грязная посуда, и чужое лицо, и осознание того, что я застряла в этом эльфийском аду.

— Что мне теперь делать в самом деле? - прошептала я, закрывая лицо руками.

Я, Лана, которая пережила три месяца в библиотеке с кошмарным коллективом сейчас была готова просто завывать от бессилия.

— Что с тобой, Селебрин?

От неожиданности я подпрыгнула на месте. Прямо передо мной, из клубящегося пара и теней, заполнивших кухню, бесшумно вырос тот самый стражник. Я даже не заметила, как он «нарисовался». Только что его не было - и вот он здесь, возвышается надо мной, заслоняя свет факелов своими широкими плечами в посеребренных доспехах.

— Ты сегодня какая-то странная, - произнес он, слегка прищулив свои золотисто-карие глаза.

Я судорожно пыталась вернуть лицу хотя бы подобие безразличия.

— Ты что, плакала? - Его голос неожиданно смягчился, в нем проскользнуло не то удивление, не то скрытая тревога. — Неужели тебя так задели слова Айриль? Ты ведь обычно

пропускаешь её яд мимо ушей.

Я молчала, судорожно соображая. Интересно, как бы ответила настоящая Селебрин? Она была тихой овечкой или огрызалась в ответ? Нужно было срочно разузнать о ней хоть что-то, пока этот остроухий не понял, что под знакомой внешностью скрывается совершенно другой человек.

— Э-э-э... извини, как тебя там? Леголас? - ляпнула я первое, что пришло в голову, вспомнив белокурого лучника из фильма Властелин Колец. Ну а что? Эльф же. Пауза затянулась. Я замерла, ожидая, что он сейчас вызовет инквизицию или стражу, но вместо этого он... расхохотался. Его смех, глубокий и искренний, отразился от каменных сводов кухни, заставив пару поварят обернуться.

— Кем ты меня назвала?— сквозь смех переспросил он, вытирая выступившую слезу.— Селебрин, ты что, головой ударилась? Или тебя какой-то лесной колдун заколдовал, раз ты забыла имя того, с кем выросла в одном поселении?

Он подошел ближе, и я уже почувствовала, как по спине поползли липкие мурашки. Его золотистые глаза сканировали меня, как рентген. Еще секунда - и он поймет, что я не Селебрин, а практикантка Лана, которая из эльфийского знает только имя Леголас, и Властелин колец. К моему огромному счастью, в дверях кухни показался еще один стражник в начищенном до блеска нагруднике.

— Эрион! - рявкнул он так, что пара медных тазов на полке жалобно звякнула. — Хватит болтать со служанками!

Нас всех срочно зовет лорд Валериан. Весь гарнизон должен быть в главном зале через пять минут. Венчание на носу, а у нас дыра в охране северных ворот!

Эрион тут же сменил ухмыляющееся лицо на серьезное. Весь его веселый настрой испарился, уступив место военной дисциплине. Он бросил на меня короткий, пронзительный взгляд, в котором всё еще читалось сомнение. Он развернулся и стремительным шагом направился к выходу, звеня доспехами. Я с облегчением выдохнула и сползла обратно на лавку. Пронесло. Пока что. Когда Эрион и стражник скрылись за поворотом, я осталась один на один с горой грязного серебра. Ладони вспотели. Я понятия не имела, как в этом мире моют посуду - здесь же явно нет «Фейри» или посудомоечной машины. Подавив гордость, я подошла к двум женщинам, которые неподалеку ощипывали каких-то длиннохвостых птиц.

—Ммм... Извините, - пробормотала я, стараясь не смотреть им в глаза. — А чем мыть посуду? И... где вообще взять воду?

— Ты что, и вправду сегодня головой ударилась, Селебрин? Или эльфийское вино с праздника заранее дегустировала? — она хохотнула, вытирая руки о передник. — Вон там желоб, дурная! Нажми на рычаг с руной –вода сама потечет. А корень мыльнянки в ящике под столом. Живо за работу, пока Айриль не вернулась с розгами!

Я послушно побрела к каменному желобу. Нажала на

странный костяной рычаг - и из стены хлынула кристально чистая, ледяная вода. Пока я неумело терла тарелки скользким корнем растения, до меня долетели приглушенные голоса тех самых кухарок. Они думали, что шум воды заглушает их слова.

— Слыхала? - прошептала та, что была в муке. — Говорят, принцесса Эланиэль три дня из своих покоев не выходит. Глаза все выплакала.

— Еще бы! - отозвалась вторая. — Король Ауриус твердо решил: венчание состоится через неделю, и его не волнует, что сердце принцессы принадлежит какому-то бродячему менестрелю, а не заморскому принцу.

— Тише ты! - шикнула первая. — Если лорд Валериан прознает про такие разговоры, нас всех на конюшне высекут. Но поговаривают, принцесса задумала что-то недоброе... Не бывать этой свадьбе, помяни мое слово.

Я замерла, прижимая к груди мокрый кубок. Значит, Эланиэль - невеста поневоле? А Ауриус - старый тиран. Кажется, я попала не в сказку, а в настоящий клубок змеиных интриг.

— Говорят, этот полукровка Лиам вовсе не уехал из Эйрильяса, - тише обычного прошептала кухарка, оглядываясь на двери. — Он где-то здесь. Видели, как в сумерках у башни принцессы мелькала тень с лютней за спиной.

— С ума сошел! Если лорд Валериан поймает его, Лиам поплатится за это головой. Даже его мастерское владение клинком не поможет против целого гарнизона.

— Клинок клинком, а голос у него - чистый мед. Говорят, он может усыпить стражу одной песней..

Следующие несколько часов превратились в утомительный марафон. Нас, младших служанок, запрягли таскать тяжелые подносы с серебром и охапки свежего льняного белья в верхние залы. Мы сновали туда-сюда, словно цепочка муравьев, под строгим надзором старших экономок. Но пока мои ноги гудели от бесконечных лестниц, глаза жадно впитывали каждую деталь. Дворец внутри был еще прекраснее, чем снаружи, но эта красота пугала. Каменные стены были украшены живым мхом и светящимися кристаллами вместо факелов. Проходя мимо восточного крыла, где располагались покои принцессы Эланиэль, я намеренно замедлила шаг. Двери охраняли двое стражей в тяжелых доспехах — они стояли неподвижно, как статуи, но их взгляды провожали каждую проходящую мимо девушку. В одном из переходов, заставленном высокими статуями королей древности, я краем глаза заметила какое-то движение. В тени за колонной стоял стражник. На первый взгляд — обычный дозорный, но что-то было не так. Его поза была слишком расслабленной, а пальцы на рукояти меча не сжимались в готовности, а отбивали какой-то сложный, едва слышный ритм. Это он? Тот самый менестрель Лиам? — пронеслось в голове. Я чуть не выронила стопку салфеток, когда он внезапно поднял голову и посмотрел прямо на меня. Его глаза не были хищными или золотистыми, как у Эриона или той рыжей ведьмы. В них чи-

талось нечто человеческое, живое и чертовски авантюрное. Он подмигнул мне — просто и нагло — прежде чем снова раствориться в тени колонн. Я ускорила шаг, чувствуя, как сердце колотится о ребра. Кажется, я только что нашла первого союзника... или самую большую проблему в этой новой жизни.

Глава 3

До того самого «Обряда Единения», как пафосно величали здесь предстоящую свадьбу, оставалось всего три дня. И если я думала, что отчетный период в бухгалтерии библиотеки - это ад, то я глубоко заблуждалась. То была легкая разминка перед настоящим концом света. Дворец превратился в растревоженный улей, где вместо пчел сновали сотни эльфов, одержимых идеей идеального торжества. Все поверхностно, до которых можно было дотянуться, натирались до такого блеска, что в них можно было смотреться вместо зеркала и поправлять прическу. Воздух в коридорах теперь пах не просто едой, а концентрированной смесью благовоний, пыльцы каких-то редких цветов и нервного пота слуг.

— Селебрин! Не спать! — Айриль возникла за спиной, как привидение, и ткнула меня локтем под ребра. — Эти подсвечники из столовой должны сиять так, чтобы слепить гостей. Если увижу хоть одно темное пятнышко на серебре — скормлю тебя дворцовым псам.

— Умеете вы мотивировать, Роза Мусаевна... ой, Айриль, — огрызнулась я под нос, хватая очередную тряпку.

Мои руки уже саднили от щелочной воды и бесконечного трения, но мозг работал как часы. За эти два дня я поняла одну важную вещь: эльфы - те еще бюрократы. У них на каждый чих был свой регламент. Сколько лепестков роз должно

лежать на дорожке, под каким углом должны стоять кубки, в каком порядке входят гости... Это была чистая математика, только вместо цифр — эльфийская спесь. К обеду нас, «низово-вой персонал», выгнали в главный тронный зал — помогать вешать тяжелые гобелены. Там я впервые увидела его. Король Ауриус сидел на возвышении, наблюдая за суетой. Если наш директор в библиотеке напоминал жабу, то этот был похож на старую, хищную птицу. Худой, поджарый, с ледяными прозрачными глазами, в которых не было ни грамма любви к внучке — только холодный политический расчет. Рядом с ним стоял лорд Валериан, начальник гвардии, и они о чем-то негромко переговаривались, глядя на пустой трон принцессы. Старый хрыч, — подумала я, натягивая край гобелена. — «Небось, уже и приданое пересчитал до последней монетки».

— Слышала? — шепнула мне на ухо остроноса эльфийка по имени Мира, которая держала другой край ткани. — Принцесса сегодня отказалась от еды. Сказала, что лучше умрет, чем наденет венец. Король приказал кормить её насильно.

— Веселая намечается вечеринка, — буркнула я. — А жених-то где?

— Принц прибудет завтра на закате. Говорят, он суров, как северный ветер, и красоты в нем — как в обломке скалы. Бедная принцесса...

Я посмотрела на окна-арки, за которыми шумел тот са-

мый гигантский водопад. Красота этого места начала казаться мне декорацией в дорогой тюрьме. Вечером, когда спина уже не разгибалась, а ноги превратились в две гудящие колонны, меня отправили в прачечную - отнести чистые полотенца для стражи. Я шла по полутемному переходу, проклиная всё на свете, как вдруг чья-то рука резко втянула меня в нишу за тяжелой бархатной шторой. Я открыла рот, чтобы завизжать и применить все свои навыки самообороны, полученные в очередях за скидочным маслом, но горячая ладонь плотно прижалась к моим губам.

— Тише, синевололая, - раздался знакомый вкрадчивый голос.

Лиам. Тот самый «стражник-менестрель». Без шлема он выглядел еще более вызывающе: дерзкая ухмылка, медно-красные волосы и глаза, в которых плясали чертики.

— Ты ведь не из тех, кто бежит жаловаться, верно? — он медленно убрал руку, но продолжал блокировать мне выход. — Я видел, как ты смотрела на короля. В твоих глазах было столько же почтения, сколько у меня к дохлому кролику.

— Слушай, «соловей-разбойник», - я поправила стопку полотенец, стараясь, чтобы голос не дрожал. — У меня и так проблем выше крыши. Если нас увидят вместе, меня выпорют, а тебя пустят на фарш. Чего тебе надо?

Лиам прищурился, и в его взгляде мелькнуло уважение.

— Ты не Селебрин. То есть тело её, но внутри... - он наклонился к самому моему уху. — Внутри кто-то куда более

зубастый. Настоящая Селебрин при виде меня обычно падает в обморок или краснеет до корней волос. У меня внутри всё похолодело. Неужели так быстро расколол?

— Допустим, - холодно ответила я. — И что дальше? Сдашь меня?

— Наоборот. Мне нужен кто-то, кто может пробраться в покои принцессы под видом служанки. Охрана на входе — это люди Валериана, их не подкупить. Но служанок с подносами они почти не замечают.

Он вложил мне в руку крошечный свиток, перевязанный тонкой серебряной нитью.— Передай это Эланиэль. Завтра, во время примерки платья. Если сделаешь - я помогу тебе разобраться, кто ты такая и как здесь оказалась. Я знаю больше, чем кажется, «иномирница». Он подмигнул мне и исчез за шторой так быстро, будто его и не было. Я осталась стоять в темноте, сжимая в кулаке записку, которая могла стать моим смертным приговором.

— Ну вот, Лана, - прошептала я сама себе. - Хотела чего-то новенького? Получай. Теперь ты не просто посудомойка, ты - связной в эльфийском перевороте.

До Обряда Единения оставалось сорок восемь часов. И, кажется, это будет самое фееричное увольнение в моей жизни. Сказать, что я офигела от наглости Лиамы - это не сказать ничего. Этот «эльфийский Джеймс Бонд» втянул меня в государственную измену между делом, пока я тащила грязные полотенца! Но на разборки времени не было. Нас гоняли до

самой полуночи. Когда стрелки моих воображаемых часов сошлись на двенадцати, а спина окончательно перестала разгибаться, по кухне пронесся благословенный клич старшей экономки:

— Отбой! Остальное завтра!

— Пора спать, - выдохнула Мира, вытирая лицо подолом передника. - Идем, Селебрин, а то завтра на рассвете нас поднимут хлестать ковры для принца. Я послушно поплелась за ней, стараясь не спотыкаться на лестницах. Мы спускались всё ниже, туда, где роскошный мрамор сменялся грубым камнем и переплетенными корнями. Это место называлось «Нижние Корни». Это был огромный зал, разделенный перегородками из плотной мешковины. Вместо кроватей - низкие лежаки, набитые сухим ароматным мхом и какими-то травами. Никаких изысков, только ряды спящих, измученных эльфов. Господи, я думала, рабство отменили, но, видимо, в этом мире про Трудовой кодекс и переработки слыхом не слыхивали. Мира рухнула на свой лежак и отключилась за три секунды. А я села на край своего «мшистого матраса», чувствуя, как в корсаже жжет тот самый свиток. Любопытство, которое всегда было моим вторым «я», начало брать верх над страхом. «Всего одним глазком», - подумала я, оглядываясь. Все спали. Вокруг стоял мерный гул дыхания и далекий рокот водопада. Я аккуратно вытянула свиток. Серебряная нить поддалась легко. На куске пергамента было написано:

Я вижу твои окна каждую ночь. Твой страх - это мой кинжал в сердце. Знай, что Каэлор - лишь тень, а мы - живое пламя. Передай через ту, что принесла это письмо, одно слово: "Да" - и я сожгу этот мир, но не дам тебе стать его пленницей.

Хммм... Я перечитала строчки про «живое пламя» и «сожженный мир» трижды.

— «Сожгу этот мир», ага, ну конечно, - прошептала я, аккуратно сворачивая пергамент. — Ты сначала мимо стражи у северных ворот пройди, Ромео недоделанный. Но, несмотря на скепсис, по спине пробежал холодок. Лиам прямо указал на меня: «Передай через ту, что принесла это письмо». Он подставил меня под удар так изящно, что я даже не успела возмутиться. Теперь я - единственный мостик между ними. Если Эланиэль скажет да, мне придется как-то доставить это слово обратно Лиаму. Я спрятала свиток обратно под корсаж. Мох под боком пах сыростью и какими-то снотворными грибами. Вокруг храпели и ворочались десятки измученных эльфов. На следующее утро нас подняли в пять. Обряд Единения должен был состояться через сорок восемь часов, и дворец вошел в стадию терминального безумия.

— Селебрин! Живо за принцессой! — Айриль была на грани нервного срыва. - У неё сегодня примерка венчального платья. Ты будешь помогать держать шлейф. И не дай бог ты наступишь на него своими корявыми лапами!

Это был мой шанс. Я соврала кухаркам, что Айриль ве-

лела отнести принцессе чай. Поднос был нужен только для того, чтобы спрятать сверток Лиама и незаметно пронести послание мимо стражников. Покои принцессы встретили меня духотой и запахом дорогих благовоний. Эланиэль стояла на невысоком постаменте, похожая на хрупкую фарфоровую статуэтку. На ней было платье из тончайшего белого шелка, расшитое жемчугом и тем самым «терновым золотом», которое так любил её жених. Вокруг неё порхали три швеи, подкалывая булавками необъятный шлейф. В углу комнаты, в тени, стоял лорд Валериан. Он не спускал глаз с принцессы, и в его взгляде не было ни капли сочувствия - только холодный контроль. Я поймала момент, когда швеи отвлеклись на запутавшуюся нить, а Валериан на секунду отвернулся к зашедшему офицеру.

— Ваш чай, принцесса, — прошептала я, подходя ближе.

— Унеси. Пить я не буду, — холодно ответила Эланиэль, продолжая смотреть в сторону. Её тон был полон полного отчуждения.

— Тут не только чай, - тихо, одними губами произнесла я, слегка коснувшись её руки. — Тут ответ на ваш страх. От того, кто видит ваши окна каждую ночь.

Принцесса вздрогнула так сильно, что одна из швей уколола палец и вскрикнула. Валериан посмотрел на принцессу так, словно пытаясь разгадать её тайные мысли. Эланиэль медленно перевела взгляд на меня. В её огромных глазах, обрамленных серебристыми ресницами, плеснулась надеж-

да, смешанная с диким ужасом.

— Вы... - выдохнула она.

— Селебрин, не стой столбом! - гаркнула старшая швея.
- Хватай левый край шлейфа!

Я быстро скользнула к её ногам, делая вид, что расправляю складки ткани. Под прикрытием тяжелого подола я вложила свиток в холодную ладонь Эланиэль. Она мгновенно спрятала его в широкий рукав своего платья. Весь следующий час я чувствовала на себе пристальный взгляд лорда Валериана. Казалось, он видит меня насквозь - каждую мою мысль, каждую букву в записке Лиамы. Когда примерка закончилась, Эланиэль внезапно произнесла:

— Оставьте меня. Все. Кроме этой служанки. Она должна помочь мне расшнуровать этот... панцирь.

Валериан нахмурился:

— Принцесса, у вас есть личные камеристки...

— Которые докладывают вам о каждом моем вздохе? — Эланиэль впервые за день проявила характер, вскинув подбородок. — Я хочу, чтобы мне помогла эта девушка. У неё спокойные руки.

Стража и швеи неохотно вышли. Как только тяжелые двери хлопнулись, принцесса бросилась к столу, лихорадочно разворачивая свиток. Я стояла у двери, прижавшись ухом к дереву - если Валериан решит вернуться, нам обоим конец. Эланиэль читала быстро, её дыхание становилось всё чаще. Когда она дошла до конца, она прижала письмо к губам

и зарыдала - беззвучно, одними плечами.

— Он здесь... - прошептала она. — Лиам здесь.

— У нас мало времени, - я подошла к ней, чувствуя себя героиней шпионского боевика. — Он ждет одно слово. «Да» или «Нет».

Принцесса посмотрела на меня. В этот момент она не была величественной эльфийкой. Она была просто напуганной девчонкой, которую продают за политическое спокойствие.

— Если я скажу «да», Каэлор убьет его, - прошептала она. - Видела бы ты его глаза, в них нет жизни. Он не отпустит то, что считает своим.

— Каэлор - это проблема будущего, - отрезала я, удивляясь собственной дерзости. — Лиам обещал сжечь мир за ваше «да». Так что вы выбираете: медленную смерть в золотой клетке с принцем-терновником или... этот пожар?

Эланиэль вытерла слезы. Её лицо внезапно стало очень спокойным, почти таким же холодным, как у её жениха.

— Передай ему... - она запнулась, глядя на свое отражение в зеркале и вытерла слезы. Её лицо внезапно стало очень спокойным. — Передай ему одно-единственное слово: «Да». Но скажи: если он не успеет вытащить меня до того, как этот золотой терновник коснется моей головы... пусть лучше он сам оборвет мою нить. Я не стану трофеем Каэтора.

Я сглотнула. Вот это уже не просто любовная записка, это настоящий пакт о жизни и смерти.

— Я передам. Обещаю, — прошептала я, забирая пись-

мо обратно (улики нельзя оставлять принцессе, её обыщут сто раз). Я только успела спрятать свиток за пазуху, как за дверью раздались тяжелые шаги и властный, сухой кашель. Мы с Эланиэль испуганно переглянулись. Она мгновенно отшатнулась к зеркалу, делая вид, что поправляет жемчужную нить на шее. Двери распахнулись. На пороге стоял лорд Валериан. Его лицо было серым от усталости, а глаза метали молнии.

— Принцесса, - он даже не поклонился, сразу переходя к делу. — Хватит капризов. Только что прибыл гонец с границы. Стяг из Королевства Чернолесье уже виден с дозорных башен. Принц Каэлор и его отец будут у главных ворот к завтрашнему рассвету.

Эланиэль побледнела так, что стала почти прозрачной.

— Так скоро? - едва слышно выдохнула она.

— На один день раньше срока, - отрезал Валериан. Он перевел подозрительный взгляд на меня. — А ты что здесь застряла? Помогла расшнуровать платье? Живо вниз! На кухне и в прачечной не хватает рук. Сегодня никто не ляжет спать, пока дворец не будет вылизан до последнего камня. Живо!

Он указал мне на выход. Я низко поклонилась, стараясь не выдать дрожи в коленях, и быстро скользнула мимо него. Выйдя в коридор, я почувствовала, как по дворцу проносится волна паники. Слуги бегали с удвоенной скоростью, стража проверяла каждый пост. Все ждали Его. Принца, ко-

торого здесь никто не видел, но которого боялись больше, чем лесного пожара. Я бежала по лестницам вниз, в «Нижние Корни», понимая: у меня есть всего несколько часов, чтобы найти Лиама. Если принц приедет на рассвете, охрану усилят втрое, и тогда «Да» принцессы превратится в её приговор. Пробегая мимо окна, я взглянула на горизонт. Там, где заходящее солнце окрашивало небо в кроваво-красный, я действительно увидела крошечные черные точки. Армия принца. Они шли быстро, неся с собой холод и власть, против которых у одной «недо-бухгалтерши» и одного бродячего музыканта не было ни единого шанса. Или всё-таки был?

— Ну, Лана, - прошипела я себе под нос, сжимая в кулаке записку. — Пора показать этим остроухим, как работают в условиях горящего дедлайна.

Глава 4

Я бежала по винтовой лестнице, чувствуя, как свиток обжигает кожу через ткань. Если Каэлор из Чернолесья прибудет на рассвете, времени у меня — до первых лучей солнца.

— Ну же, Лиам, где ты можешь быть в этом сумасшедшем доме? — бормотала я, стараясь не привлекать внимания стражи. Вспомнив сплетни кухарок, я решила рискнуть и направилась к Шепчущим Гротам. Говорят, это потайное место прямо за стеной главного водопада, где звук падающей воды заглушает любые разговоры. Именно там обычно прятались влюбленные парочки и те, кому было что скрывать. Я проскользнула через низкую арку, занавешенную густым мхом, и сразу почувствовала на лице холодную водяную пыль. Здесь было темно, только редкие фосфоресцирующие грибы на стенах давали призрачный синеватый свет.

— Лиам! — тихо позвала я. — Если ты сейчас же не выйдешь, я сожгу твою записку прямо сейчас! Тень отделилась от мокрой скалы так внезапно, что я едва не отпрыгнула в поток воды.

— Осторожнее, синеволосая, — Лиам возник передо мной, на его плечах была накидка из темной кожи, а в руках он сжимал короткий клинок. — Ты рискуешь жизнью, разгуливая здесь в такой час.

— Я рискую жизнью с того момента, как открыла глаза в

этом гребанном мире, — отрезала я, вытаскивая свиток из-под корсажа — У меня есть ответ. Она сказала «Да».

Глаза Лиама вспыхнули. Он сделал шаг вперед, но я выставила руку:

— Подожди. Есть нюанс. Принц Каэлор из Черного Леса прибудет на рассвете. Валериан сказал, что они уже видят их стяги. У тебя нет трех дней. У тебя есть пара часов.

Лиам выругался, и это прозвучало удивительно по-человечески. Он убрал клинок и обернулся к выходу из грота, где небо уже начало светлеть, приобретая нежно-фиолетовый оттенок.

— Каэлор... — процедил он. — Этот ледяной кусок гранита не получит её.

— А у тебя есть план, кроме как «сожгу весь мир»? — ехидно спросила я. — Потому что замок сейчас забит стражей, а завтра утром их будет в два раза больше.

Лиам посмотрел на меня, и в его глазах появилось то самое выражение, которое я видела у своего начальника в библиотеке перед налоговой проверкой: «Нам нужна помощь того, кто знает все входы и выходы».

— Селебрин, — он схватил меня за плечи. — Ты сможешь открыть заднюю калитку в саду Роз? Ту, что ведет к обрыву? Там есть узкая тропа, о которой не все знают. Если я выведу Эланиэль туда во время утренней молитвы...

— Ты хочешь, чтобы я, простая посудомойка, украла ключи у старшей экономки или обманула стражу у ворот? —

я усталилась на него как на сумасшедшего. — Ты вообще понимаешь, что со мной сделают эльфы Черного Леса, если поймают?

Лиам подался вперед, и свет синих грибов отразился в его глазах, сделав их почти прозрачными.

— Чувствую, что в прошлом ты была всеведущей ведьмой, чужестранка, — произнес он, и в его голосе больше не было насмешки. — От тебя пахнет не только мыльнянкой и кухонным паром. От тебя веет холодом другого мира и странными знаниями. Ты не та наивная девчонка, которой была Селебрин.

Я на секунду онемела от такого слова. «Всеведущая ведьма»? Серьезно? Если бы он видел меня в библиотеке, когда я пыталась починить зажевавший бумагу ксерокс, он бы так не говорил.

— Не гони, идиот! — я резко отпихнула его руку от своего плеча. — Тоже мне, экстрасенс нашелся. Ведьма... Ага, из отдела бухгалтерии. Слушай сюда, «провидец», насчет того, что ты мне вчера втирал... Что это значит — «Ты не Селебрин»? Откуда такая уверенность?

Лиам опустил взгляд на свои руки, которыми он только что сжимал рукоять кинжала.

— У меня было видение, — тихо ответил он. — В то утро, когда ты «упала» на поляне. Я видел, как настоящая душа Селебрин угасла, как свеча на ветру, а на её место ворвался вихрь — темный, искрящийся и злой. Я видел тень, упавшую

в её тело. Чужую тень из места, где нет магии, но есть... — он запнулся, подбирая слово, — много странных символов и железных повозок.

У меня внутри всё заледенело. Видение. Значит, в этом мире нельзя просто так «вселиться» в кого-то и остаться незамеченной.

— Ну допустим, — я скрестила руки на груди, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Если я не Селебрин, как ты говоришь, то ты наверняка знаешь, как выбраться из этой чертовой Эльфландии? Потому что, честно тебе скажу, сервис тут на единицу, а начальство — полные неадекваты. Я хочу домой.

Лиам печально усмехнулся и посмотрел наверх, туда, где за толщей воды и камня пробуждался дворец.

— Выбраться из Эйрильяса легко, но выбраться из нашего мира... Это сложнее. Границы между мирами открываются редко. Говорят, что во время Обряда Единения, когда сливаются две древние крови — Черного Леса и нашего королевства — магический фон становится настолько нестабильным, что... Он не договорил. Снаружи, пробиваясь сквозь оглушительный рев водопада, раздался протяжный, вибрирующий звук костяного горна. ТРУУУУУУУ-УУУ-УУУУ! Звук был таким тяжелым, что казалось, сами скалы задрожали.

— Это они, — мигом собрался Лиам, накидывая капюшон. — На два часа раньше, чем обещали дозорные. Он

не просто приехал, он торопится забрать свою добычу. — Слышь, Лиам! — я схватила его за край плаща. — Ты обещал помочь! Если я открою ту чертову калитку в саду, ты вытащишь меня отсюда? Или так и будешь кормить сказками про видения?

— Помоги Эланиэль, и я помогу тебе, — он быстро поцеловал мои пальцы (чертов эльфийский этикет!) и растворился в тени грота. — Ищи меня завтра на закате у Сада Роз. И будь осторожна: Каэлор из тех, кто видит ложь так же ясно, как я — твою истинную суть. Я осталась одна в мокром, холодном гроте.

— Ведьма... — пробормотала я, вытирая руки о передник. — Ну держись, Эльфландия. Сейчас эта «ведьма» тебе устроит.

Я выскочила из грота и со всех ног бросилась к черному входу для слуг. Мне нужно было успеть занять свое место в строю, прежде чем Айриль заметит мое отсутствие. К сожалению, мне не повезло: она меня засекла и тут же всунула в руки тяжелый хрустальный кубок. Как оказалась, по эльфийскому протоколу именно младшая служанка должна была подносить воду из горного источника каждому, кто входит в дом. Вот черт. Знала бы я этом раньше, точно бы не опаздывала. Огромные кованые ворота Долины медленно отворялись. На небе только-только начала разгораться первая розовая полоска зари, но площадь уже была залита светом факелов. В ворота въезжал отряд на огромных вороных конях.

Впереди, на жеребце, который казался сотканным из ночных теней, ехал Принц Каэлор. Я впервые видела его так близко. Боже. Он был не просто красив. Он был страшно красив. Его лицо, белое как кость, обрамляли иссиня-черные волосы, а на голове тускло мерцала корона из темного тернового золота. Его взгляд — ледяной, неподвижный — медленно скользил по рядам склонившихся слуг. Когда он проезжал мимо меня, я почувствовала, как от него исходит волна такого холода, будто открыли морозильную камеру в середине июля. За ним ехали его стражи в глухих шлемах, их доспехи были покрыты гравировкой в виде переплетенных мертвых корней. В этот момент я поняла, почему Эланиэль готова была умереть, лишь бы не идти за него. Каэлор не выглядел как жених. Он выглядел как завоеватель, который приехал за данью. И этой данью была принцесса. И, возможно, моя голова, если я хоть на секунду допущу ошибку. Утро наступило так же неотвратимо, как налоговая проверка. Весь двор выстроился перед парадным входом. Сотни эльфов в белоснежных одеждах склонились в глубоком поклоне, напоминая поле увядших лилий. Я стояла в третьем ряду прислуги, пытаюсь унять дрожь в коленях и спрятать за пазухой злосчастный свиток с ответом «Да». Стук копыт по мраморным плитам отдавался в висках. Каэлор спешил. Он двигался с грацией хищника, который точно знает, что здесь ему никто не посмеет противостоять. Его доспехи из черненого серебра тихо звенели. Когда он снял шлем, по рядам эльфов

пронесся едва слышный вздох. Он был пугающе красив — той красотой, от которой хочется не восхищаться, а бежать без оглядки. Иссиня-черные волосы, бледная кожа и эта корона из темного золота, шипы которой будто впивались в его собственные виски..

— Селебрин! Чего застыла? Живо подноси чашу! — прошипела Айриль, толкая меня в спину.

Я сделала три шага вперед, чувствуя, как на меня давит аура Черного Леса. Каэлор остановился прямо передо мной. От него веяло хвоей, сырой землей и... озоном, как перед самой страшной грозой. Я подняла кубок, низко опустив голову, но любопытство снова взяло верх. Я рискнула взглянуть на него снизу вверх. Его глаза. Они не были просто «ледяными». В них застыла тьма, такая глубокая и древняя, что у меня перехватило дыхание. Каэлор медленно протянул руку в стальной перчатке и коснулся края чаши. Но он не взял её. Его пальцы на секунду замерли рядом с моими, и я почувствовала резкий электрический разряд, прошивший тело от макушки до пяток. Принц замер. Его брови едва заметно дрогнули. Он посмотрел прямо на меня — не как на мебель или служанку, а как на досадную аномалию, которую нужно немедленно изучить.

— Откуда ты, дитя? — вдруг спросил он.

Дитя?— мысленно фыркнула я, выпрямляя спину. — Хм, да тебе на вид не больше тридцати, красавчик. Не ратовато ли называть меня дитя? Или этому эльфю уже за-

валило за пятьсот, а то и тысячу лет, и он просто пользуется очень дорогим кремом из пыльцы единорогов?

— Я... я из прачечной, ваше высочество, — выдавила я, проклиная своё новое лицо. — То есть из бухгалтер... — начала я и, запинаясь, тут же поправилась: — Ой, то есть со службы кухни!

Каэлор прищурился. В его взгляде мелькнуло странное узнавание. Он явно догадался.

— У тебя странная суть, — произнес он, и я поняла: он видит меня насквозь.

К счастью, к нам уже спешил король Ауриус, сияя фальшивой улыбкой. Каэлор напоследок задержал на мне взгляд — тяжелый, изучающий — и, наконец, принял кубок.

Через два часа меня, как «самую тихую» (ага, конечно), отправили обновлять благовония в Малом Совете, где за закрытыми дверями шел разговор королей. Я вползла туда, делая вид, что страшно занята чисткой подсвечников.

— ...магия уходит, Малазар, — голос моего «директора» Ауриуса звучал жалко. — Водопады замедляются. Кристаллы Света гаснут. Если мы не совершим Обряд Единения, через год этот дворец превратится в грудку серого камня. Мой народ погибнет без подпитки.

— Ты просишь слишком многого за одну девчонку, Ауриус, — раздался баритон отца Каэлора, короля Малазара. — Кровь Черного Леса — это не просто магия. Это бремя. Мой сын должен будет «заземлить» ваш свет своей тьмой. Он от-

даст часть своей жизненной силы, чтобы ваши фонтаны снова запели. Это цена спасения твоего королевства.

— И он готов на это? — робко спросил Ауриус.

— Каэлор знает свой долг, — отрезал Малазар. — Он не ищет любви. Он ищет порядок. Как только венец коснется головы Эланиэль, источник будет стабилизирован. Но девочка должна подчиниться добровольно. Если она скажет «Нет» во время ритуала — магия Чернолесья разнесет твой хрустальный замок в пыль.

Я замерла с щеткой в руке. Вот оно что. Эйрильяс — это тонущий корабль, а Каэлор — единственный спасательный плот, который при этом может взорваться, если «плоту» не понравится поведение пассажирки. Теперь я понимала: Эланиэль не просто боится его характера. Она боится стать вечным «громоотводом» для его тьмы, чтобы её дед мог и дальше сидеть на сияющем троне.

— Ну и дебри, — прошептала я, сползая по стенке за тяжелой портьерой. — Тут нужен антикризисный менеджер. Или подрывник.

В этот момент дверь в Малый Совет открылась, и на пороге возник Каэлор. Он не входил — он просто заполнил собой пространство. Я вжалась в тень, молясь, чтобы мой «синеволосяй Гарньер» не отвечивал.

Принц остановился и посмотрел в ту сторону, где я пряталась.

— Ты плохо прячешься. Выходи!

Вот черт, он узнал, что я здесь! — паника охватила меня с ног до головы. Мысль о том, что за подслушивание мне отрубят голову, горьким комом застряла в горле. Всё, мне конец, — пронеслось в мыслях. Паника была такой сильной, что я едва не забыла, как дышать.

— Что ты услышала, служанка? Говори! — Каэлор надвигался на меня, как грозовая туча.

— Я... я ничего не слышала! — выпалила я, судорожно оглядываясь. — Я просто... проверяла прочность этих штор! Знаете, сейчас такая моль пошла — прогрызает ткань за секунды. Вот, стою, караулю.

Каэлор замер, глядя на меня как на умалишенную:

— Ты лжешь. И делаешь это еще хуже, чем прячешься.

— Что ты слышала? — его голос стал тише, и от этого стало еще страшнее.

— Слышала? — я включила режим «дурочки». — Я слышала, что у вас тут «магия уходит, фонтаны гаснут... Ваше Высочество, да у вас же типичный магнитно-резонансный разрыв в энергетическом балансе! Вы хотите заземлитель тьму? Да вам просто нужно оптимизировать расходы света и провести ревизию магических кристаллов! Я тут прикинула на глаз — у вас нецелевое использование ресурсов по всему периметру.

Принц замер. Его рука, уже потянувшаяся к моему плечу (наверное, чтобы испепелить на месте), замерла в воздухе.

— Что, что? — Каэлор выглядел так, будто его только что

ударили по голове томом энциклопедии.

— Расходы! — отрезала я, чувствуя, что нашла его слабое место. — Если вы меня казните, некому будет составить отчет о ликвидации задолженности по Световым Кристаллам. Вы этого хотите? Хаоса в отчетном периоде?

Принц вскинул правую руку. На мгновение мне показалось, что он хочет дать мне пощечину, но он лишь резко крутанул кистью, будто выкручивал ручку стиральной машины. В ту же секунду мой рот онемел.

— Повтори, что ты сказала? — переспросил Каэлор, криво ухмыльнувшись.

Я попыталась возразить, но челюсти будто склеило невидимым воском, из онемевшего рта вылетело лишь сплошное «mmm-пфф»!

Каэлор склонил голову набок, наблюдая за моими тщетными попытками вернуть дар речи. В его глазах промелькнуло нечто похожее на брезгливое любопытство — так смотрят на забавно дергающееся насекомое.

И добавил ледяным тоном:

— Ты не проронишь ни слова до полуночи. Я наложил на тебя чары, впрочем, тебе, жалкой служанке, этого не постичь. Я — некромант. Маг Черного Леса. Теперь ты сто раз подумаешь, прежде чем снова решишь сболтнуть лишнее.

Так, Лана, дыши. То есть не дыши, а... ну, мычи. Главное — этот дурацкий свиток у меня под лифчиком. Если этот ледяной шкаф поймет, что я тут в шпионов играю, мой "ис-

пытательный срок" закончится прямо на этом мраморе. Господи, я же просто хотела, чтобы практика поскорее закончилась и я больше никогда не видела эти рожи в офисе... А в итоге попала к эльфам-садистам. Мама, забери меня отсюда! Я рванула с места так, будто за мной гнался не принц-некромант, а декан с приказом об отчислении. Свиток за пазухой нещадно колол кожу, шурша при каждом шаге — мне казалось, этот звук слышен на весь дворец.

— М-мм-пф! — только и смогла я выдавить, когда чуть не сбила с ног какую-то высокомерную эльфийку с подносом.

Я не оборачивалась. В голове пульсировала одна мысль: Спрятать. Свалить. Выжить. Этот Каэлор со своими чарами был похлеще любого системного сбоя. Влетев в узкий коридор для прислуги, я забилась в тень за огромной кадкой с каким-то светящимся папоротником. Руки дрожали. Чары всё ещё держали мой рот на замке, и это бесило даже больше, чем страх. Ну и зачетная работа... — подумала я, судорожно запихивая свиток поглубже под корсаж. — Мама, я больше никогда не буду прогуливать экономику, только вытаци меня из этого фэнтезийного дурдома!

Глава 5

Каэлор пообещал, что чары немоты развеются к полуночи, но этот «кощей бессмертный» явно не дружил с точностью. Мысли в голове роились одна злее другой: Вот скотина! *мне рот закрыл!* Желудок сводило от голода, но из-за магической блокировки я не могла проглотить ни крошки. Только после полуночи проклятое онемение начало отступать. Ощущения были точь-в-точь как после визита к стоматологу: будто мне разом залечили все тридцать два зуба, вкалывая убойную дозу анестезии прямо в корень. Челюсть одеревенела, казалась чужой и тяжелой. Когда чувствительность вернулась, я первым делом попробовала пошевелить губами, ощущая неприятное покалывание, как от тысяч иголок. Весь вечер служанки донимали меня вопросами, но в ответ я могла лишь промычать что-то невнятное, бешено вращая глазами. Коллеги по кухне косились на меня, как на умалишенную, шепотом обсуждая, не подхватила ли я какую-то эльфийскую лихорадку, от которой отсыхает язык. Голод к этому моменту стал просто невыносимым. Тихо, как ниндзя, я прокралась на кухню. В голове пульсировала только одна мысль: *Еда... еда... еда!* Челюсть всё ещё была ватной, а язык ворочался во рту, как ленивый тюлень, но это не мешало мне хищно принюхиваться. Только успела нащупать в темноте холодную запеченную ножку какой-то птицы и вонзить в неё

зубы, как из тени раздался вкрадчивый шепот:

— Селебрин? Ты что, решила съесть все припасы, чтобы сорвать свадьбу голодным бунтом?

Я подпрыгнула, едва не подавившись. Передо мной стоял Лиам. В полумраке он выглядел как всегда эффектно, но сейчас его ироничный вид только бесил.

— Ли-ам... — попыталась выговорить я, но получилось что-то вроде «Ли-амммф».

Яростно прожевала кусок, чувствуя, как покалывает мышцы лица, и крепче перехватила свой трофейный ужин, будто Лиам собирался его отобрать.

— Т-ты... к-козел! У меня ж-желудок к поз-звоночнику прилип!

Лиам прищурился, подходя ближе. Он явно не понимал, что со мной происходит.

— У тебя странный выговор. Ты что, перебрала эльфийского эля в одиночку? Или это новый диалект «чужого мира»?

Я с трудом сглотнула и, придерживая челюсть рукой, чтобы та не слишком «гуляла», прошипела:

— Это «некромант-стайл»! Твой Каэлор... он наложил на меня немоту. Я весь день мычала, как корова на привязи!

Я замерла, уставившись на него сквозь кухонный полумрак. Челюсть всё ещё немного тянуло, но это не помешало мне прищуриться.

— Кстати, Лиам, — прошипела я, подаваясь вперед вме-

стес обглоданной костью в руке. — Ты ведь сам мне втирал, что я из другого мира. Что в этом теле была другая душа. Ты слишком уверенно рассуждал о моей «тени»... Так изволь объяснить, откуда тебе это известно?

Лиам вдруг резко сменил тон. Он состроил непонимающую мину и попятился к мешкам с мукой.

— Какой мир? Селебрин, ты точно ударила голову. Магия некроманта, видать, последние мозги тебе высушила...

Внутри вскипела ярость. Это был предел моего терпения. Рука сама нащупала на столе тяжелую чугунную сковороду. Не раздумывая, я запустила её в этого полу-эльфа лжеца.

Дзынь! Сковорода с грохотом врезалась в каменную стену в паре сантиметров от его головы.

— Не притворяйся дебилом! — рявкнула я, забыв об осторожности. — Ты сам сказал, что знаешь о моем мире! Ты описал железные повозки! Значит ли это, что ты сам... оттуда?

Лиам замолчал. Он отвел взгляд, и на мгновение его лицо стало непривычно серьезным, лишенным вечной насмешки. Он тяжело вздохнул и принялся мерить шагами тесную кухню, пока его сапоги гулко стучали по плитам.

— Ну, знаю... потому что я сам оттуда, — вдруг глухо произнес он.

Я чуть не выронила ножку птицы, которую всё еще сжимала в кулаке. Мой мозг на секунду отключился.

— И ты всё это время молчал?! — я едва не задохнулась от возмущения. — И как долго ты здесь торчишь?

— Ну... лет пятьдесят, наверное, — буднично отозвался он.

— Что-о-о?! — я чуть не подавилась воздухом. — Пятьдесят лет?! Ты выглядишь на двадцать пять! И ты за полвека даже не попытался выбраться из этого места?

Лиам остановился и посмотрел на меня с какой-то горькой усмешкой.

— Поверь, Селебрин, отсюда не выбраться. Граница закрыта наглухо. И если честно... я больше не хочу уходить. Я люблю Эланиэль. А еще здесь я точно не состарюсь. В моем мире я был никем, а здесь я — легендарный менестрель, который может обольстить принцессу.

Я сглотнула, чувствуя, как злость внутри сменяется странным, колючим чувством родства. Этот павлин с лютней был единственным, кто понимал, каково это — помнить другой мир.

— Лана, — тихо произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — Называй меня Ланой. Но только когда мы одни. Никто здесь не должен знать моего настоящего имени, понимаешь? Никто и никогда.

Лиам замер. Улыбка «легендарного менестреля» медленно сползла с его лица, открывая на миг того самого парня, которым он был когда-то. Он серьезно кивнул, и в этом жесте было больше искренности, чем во всех его ироничных

поклонах до этого.

— Понимаю, — глухо отозвался он. — Лана. Красивое имя. Я уже и забыл, как звучат... наши имена.

— И еще, Лиам... у меня плохая новость, — я замялась, глядя на обломки сковороды у его ног. — Если вы с Эланиэль решите сбежать, этому королевству придет конец.

Лиам замер, приподняв бровь. На его губах заиграла привычная скептическая полуулыбка, но в глазах мелькнула тень тревоги.

— Это еще почему? — вкрадчиво спросил он. — Неужели мой талант настолько незаменим для местной эстетики?

— Понимаешь, есть один важный нюанс, — я подошла ближе, понизив голос до шепота. — Если Эланиэль и Каэлор не сыграют свадьбу... или как там у них этот ритуал называется... то через год весь этот дворец разнесет к чертям, как после взрыва атомной бомбы. Я случайно подслушала это, когда обновляла благовония в малом совете. Правда, потом за это поплатилась — Каэлор заметил меня и наградил онемевшим ртом до полуночи.

Лиам резко побледнел. Его пальцы, только что уверенно лежавшие на струнах лютни, заметно дрогнули. Слово «атомная бомба» ударило по нему сильнее, чем любое магическое заклинание — ведь он, в отличие от местных, прекрасно понимал масштаб этой метафоры.

— Ты... ты уверена? — он с трудом сглотнул, и его голос сорвался. — Свадьба — это не просто династический союз?

Это... стабилизация магического фона?

Я кивнула, видя, как рушится его идеальный план побега с прекрасной принцессой.

Не успел Лиам ответить, как тяжелая дубовая дверь кухни бесшумно отворилась. По полу пополз могильный холод, от которого остатки еды на столе, казалось, мгновенно покрылись инеем.

В проеме стоял Каэлор. Его черная мантия сливалась с тенями, а бледное, каменное лицо в лунном свете выглядело как маска из слоновой кости. Его глаза — два колодца с застоявшейся тьмой — медленно прошли по кухне, задержавшись на валяющейся у стены сковороде.

— Менестрель? — голос некроманта прозвучал как шелест сухой листвы. — Я не знал, что твои баллады теперь требуют кухонных декораций. Или ты решил сменить лютню на чугунную посуду?

Лиам среагировал мгновенно. Весь его страх исчез, сменившись маской самоуверенного бабника. Он небрежно притянул меня к себе за талию, впечатывая в свой бок так сильно, что я едва не пискнула.

— О, мастер Каэлор, — Лиам обворожительно улыбнулся, хотя я чувствовала, как бешено колотится его сердце под тонким шелком рубашки. — Любовь, как и вдохновение, не выбирает мест. Эта прелестная немая крошка так красноречиво смотрела на меня весь вечер, что я не устоял. Правда, она оказалась... немного строптивой.

Каэлор сделал шаг вперед. Воздух вокруг него стал густым, тяжелым. Он подошел вплотную и, проигнорировав Лиаму, бесцеремонно взял меня за подбородок холодными, как лед, пальцами.

— Строптивой? — некромант прищурился, вглядываясь мне в глаза. — Странно. Мои чары должны были сделать её кроткой, как агнец, до самого рассвета. А она, я вижу, уже всю... общается.

Он перевел взгляд на мои губы, на которых всё ещё блестел жир от птичьей ножки.

— Скажи мне, служанка, — прошептал он, и от его дыхания у меня по спине пробежали мурашки. — О чем вы шептались? Мне слышались странные слова. Что-то про «бомбу»? Это какой-то новый сорт эльфийских пряностей?

— Бомба? — Лиам выдал короткий, искренний на слух смешок, хотя я чувствовала, как напряглись его пальцы на моем плече. — О, мастер Каэлор, вы, как всегда, излишне бдительны. Это наше... личное словечко. На языке моего родного южного побережья «бомбой» называют особо жгучую настойку. Я как раз обещал этой прелестнице принести бутылочку, чтобы согреться, раз уж ваши чары лишили её возможности... — он сделал двусмысленную паузу, — ...петь мне дифирамбы.

Каэлор не пошевелился. Его пальцы всё так же сжимали мой подбородок, а взгляд, казалось, пытался прожечь во мне дыру.

— Настойка? — повторил некромант, и в его голосе проскользнула опасная мягкость. — И она настолько крепка, что способна вызвать «взрыв», который «разнесет дворец»? Именно это я услышал, проходя мимо.

Я замерла, боясь даже вздохнуть. Сердце ушло в пятки. Но Лиам даже не дрогнул. Он притянул меня еще ближе, почти по-хозяйски поцеловал в макушку и доверительно понизил голос:

— Именно так, мастер. После пары глотков этой дряни в голове происходит настоящий пожар, а ноги начинают плясать так, что стены дрожат. Я просто описывал этой бедняжке последствия, чтобы она не перебрала с непривычки. Вы же знаете, как я люблю преувеличивать. Хороший менестрель без метафоры — что некромант без кладбища.

Лиам лучезарно улыбнулся, глядя Каэлору прямо в глаза. Это была игра на грани смерти. Некромант медленно разжал пальцы. На моей коже остались ледяные отпечатки. Он вытащил из складок мантии шелковый платок и брезгливо вытер руку, будто прикоснулся к чему-то нечистому.

— Твое красноречие, менестрель, когда-нибудь станет твоим приговором, — холодно произнес Каэлор. Он бросил последний взгляд на сковороду у стены. — Приберись здесь. И отправь девчонку в её каморку. Приготовление на Обряд единения не терпят пьяных бредней и «взрывных» настоек.

Когда дверь за ним закрылась, Лиам не сразу меня отпустил. Мы оба стояли неподвижно, пока звук шагов некро-

манта не затих в конце коридора. Только тогда он шумно выдохнул и буквально рухнул на ближайшую скамью.

— Еще раз, — прошептал он, вытирая пот со лба, — еще раз ты произнесешь хоть какое-то слова из нашего мира, и я сам тебя придушу. Бомба... Лана, ты хоть понимаешь, по какому тонкому льду мы сейчас прошли?

— Это я тебя сейчас придушу, Лиам! — прошипела я. — Ты зачем меня так сильно притиснул? Мне же больно было, придурок!

От переизбытка адреналина и ярости я, недолго думая, н-на! — и заехала ему ногой прямо по голени. Лиам тут же согнулся в три погибели, схватившись за ушибленное место, и его лицо исказилось в такой гримасе, будто я ему как минимум кость раздробила.

— Не притворяйся, урод! — рывкнула я, хотя и постаралась не повышать голос слишком сильно. — Не так уж сильно я и ударила.

— Лана, хватит! Успокойся... — прошипел он сквозь зубы, преодолевая боль. Он выпрямился, всё еще прихрамывая, и бросил быстрый, опасливый взгляд на дверь. — Ты хоть понимаешь, что если бы я этого не сделал, он бы выпотрошил твой мозг прямо здесь, среди мешков с мукой? Мои объятия — самая дешевая цена за твою голову, поверь мне.

Я фыркнула, но пыл поубавила. Справедливость в его словах была, но признавать это не хотелось. Особенно после того, как ледяные пальцы Каэлора до сих пор ощущались на

моей коже.

— Что ты теперь будешь делать, Лиам? — я пристально посмотрела на него, сложив руки на груди. — Ты ведь обещал Эланиэль, что заберешь её отсюда до того, как Каэлор наденет на её голову венец. Риск быть пойманным сейчас — девяносто девять из ста. Но если ты оставишь всё как есть и позволишь им обручиться... она ведь может тебя возненавидеть. Или... даже не знаю.

Я вздохнула, чувствуя, как наваливается усталость.

— Может, оно и к лучшему? Королевство останется в целости и сохранности. В общем, шансов у нас мало, Лиам. Охраны стало вдвое больше, а Каэлор теперь следит за каждым шорохом.

Лиам молчал, медленно потирая ушибленную голень. Его взгляд был устремлен куда-то в темноту кухонного свода, и в этом взгляде не было ничего от того самоуверенного менеджера, который только что вешал лапшу на уши некроманту.

— В сохранности, говоришь? — глухо переспросил он. — Жить в мире, который уцелел ценой её свободы... Лана, ты не понимаешь. Здесь «долго и счастливо» не работает. Если она выйдет за него, она перестанет быть той Эланиэль, которую я знаю. Она станет частью его магической схемы. Ходячим артефактом.

Он резко выпрямился, и в его глазах блеснул недобрый огонек — тот самый азарт человека, которому нечего терять.

— Значит, охраны вдвое больше? Отлично. Значит, они ждут, что мы будем прорываться силой. Но они забыли одну вещь: мы с тобой из мира, где побеждают не мечом, а технологиями и хитростью.

— Технологии и хитрость?.. — я выразительно фыркнула, обводя рукой закопченные своды кухни.

— Очнись, Лиам! Здесь тебе не двадцать первый век. Это магическое средневековье, причем самого паршивого разлива. У нас из технологий — только дрова в печи, а из хитростей — умение не попасться некроманту на глаза, когда ты тыришь птичью ножку.

Я сделала шаг к нему, заглядывая в глаза.

— Ты собрался строить адронный коллайдер из медных тазов? Или, может, на коленке соберешь смартфон, чтобы вызвать подмогу? Мы здесь никто, Лиам. И твои «технологии» остались там, за закрытой наглухо границей. Здесь правит бал тот, кто умеет вырывать души и замораживать кровь одним взглядом. И это точно не ты.

— Но мы же не можем просто сидеть сложа руки! — не унимался он. Нужно хотя бы...

— Нет Лиам, даже не думай, — я предостерегающе подняла руку, не давая ему продолжить. — Я не стану тебе помогать. Тем более ты сам только что сказал: выхода отсюда нет. Смысл рисковать головой ради твоих любовных драм? Мне уже нечего терять, кроме этой самой головы, а она мне пока дорога как память о нормальной жизни.

Я посмотрела на свои руки, всё еще испачканные в жире от той злосчастной птичьей ножки.

— Ты здесь обжился, стал «легендой», поешь песенки принцессам. А я? Я просто служанка, которая подслушала то, чего не следовало. Если мир взорвется через год — что ж, по крайней мере, я не проведу этот год в казематах некроманта за соучастие в твоём безумном побеге.

Лиам замер. Огонек азарта в его глазах на мгновение погас, сменившись холодным расчетом. Он медленно опустил руки и посмотрел на меня так, будто видел впервые.

— Нечего терять? — тихо переспросил он, и в его голосе проскользнула опасная нотка. — Ошибаешься, Лана. Тебе есть что терять. Каэлор уже на крючке. Он почувствовал, что ты «другая» Думаешь, он оставит тебя в покое, если я просто уйду в тень? Нет. Как только я исчезну или сбегу с Эланиэль, ты останешься с ним один на один. И поверь, он найдет способ заставить тебя заговорить... и это будет хуже, чем просто немота. У тебя нет выбора, Лана. Или мы рискуем вместе, или он разберет тебя по кусочкам, чтобы понять, откуда в твоём теле взялась иномирная душа.

Я замерла. Холодная логика его слов ударила под дых сильнее, чем магия Каэтора. Он был прав. Некромант не забудет «строптивую» служанку, которая разговаривает подозрительно для этого мира.

— Ладно, — выдохнула я, чувствуя, как захлопывается

ловушка. — Ладно, чертов менестрель. Допустим, я в деле. Но если мы погибнем из-за твоих «технологий», мой призрак будет преследовать тебя вечно. Давай выкладывай всё по чесноку.

— У меня есть один отличный план. Но мне нужно очень хорошо подумать над ним. Так что увидимся завтра вечером.

— Так я и думала, тянешь время! — возмутилась я, однако Лиам уже сбежал, оставив меня ни с чем

Глава 6

Следующий день превратился в затяжной прыжок над пропастью. Мы с Лиамом договорились встретиться вечером, чтобы обсудить новый план, а пока мне предстояло выполнить самое опасное поручение. Я работала на износ, стараясь быть тише мыши, но взгляд Каэлора, казалось, преследовал меня даже в кухонных парах. Лиам же времени не терял: он передал мне крошечный клочок пергамента, исписанный мелким, торопливым почерком.

— Ты должна передать это Эланиэль, — прошептал он, когда мы столкнулись в узком проходе за прачечной. — Я не могу к ней подойти: стража сразу доложит некроманту, если «бродячий певец» начнет крутиться у покоев невесты. Но ты... ты просто разносишь еду. Твой выход, Лана.

Мои руки дрожали, когда я принимала тяжелый серебряный поднос. На нем под крышкой томилось жаркое, но самым неподъемным грузом казалась записка, спрятанная в складках салфетки.

У покоев принцессы стояли двое гвардейцев. Сердце ухнуло в пятки, когда один из них преградил мне путь копьем.

— Куда прешь? Где Розмария?

— Занедужила она, господин, — я изобразила самый покорный и глуповатый вид, на который была способна. — Велела мне подменить. Свадьба скоро, нельзя принцессу голод-

ной оставлять — принц Каэлор разгневается.

При упоминании некроманта гвардеец поморщился, но копье всё же убрал. Тяжелая дверь бесшумно отворилась.

Эланиэль сидела у окна. Она была красива той холодной, болезненной красотой, которая бывает у цветов, выросших в склепе. Услышав шаги, она даже не обернулась, пока я не подошла вплотную.

— Ваше Высочество... — я понизила голос до предела. — Тут... от друга. Который очень хочет вас видеть.

При последних словах она вздрогнула и резко обернулась. Я быстро вытянула записку и сунула ей в руку. Глаза принцессы расширились, она судорожно сжала пергамент, будто это была её единственная связь с жизнью.

— Он... он не забыл? — выдохнула она, и в её взгляде впервые затеплилась надежда.

— Прячьте быстрее, — шикнула я, пятясь к двери. — У нас мало времени.

Эланиэль мгновенно скрыла записку в складках платья. Я вышла из покоев, чувствуя невероятное облегчение — получилось! Но радость была недолгой.

Дальше по коридору мне навстречу шел лорд Валериан. Он окинул меня подозрительным, тяжелым взглядом, будто всё знал заранее. Я прошла мимо, затылком чувствуя его внимание. Обернувшись, я увидела, как он без стука зашел к принцессе. Холодный пот прошиб меня до костей.

Наступил вечер. Стараясь не привлекать внимания, я про-

скользнула к выходу из замка. Мы договорились встретиться с Лиамом на поляне возле леса, чтобы обсудить детали его рискованного плана. Лес встретил меня липким холодом и шелестом, который казался шепотом шпионов. Я вышла на поляну, едва переводя дыхание, и тут же чья-то рука зажала мне рот, а другая — втянула в густую тень старого вяза.

— Тише, Лана, это я, — раздался над ухом знакомый голос.

Лиам отпустил меня и отступил на шаг. В лунном свете его лицо казалось высеченным из камня. Исчезла вечная ухмылка, исчез пафос. Передо мной стоял человек, который решил поставить на карту всё.

— Ты опоздала, — коротко бросил он.

— Лорд Валериан... он зашел к ней сразу после меня, — выдохнула я, оглядываясь. — Лиам, он что-то подозревает.

Лиам выругался под нос, но быстро взял себя в руки.

— Валериан — чёртов ищейка, но он любит порядок больше, чем служить его Величеству. Он не поднимет тревогу до обряда, если не будет уверен на сто процентов. Значит, у нас есть время. Слушай план.

Он присел на корточки и начал чертить прутиком на земле схему тронного зала.

— Завтра, когда Эланиэль наденет платье для обряда Единения, она начнет спускаться. Посреди лестницы ей «станет плохо». Она должна потребовать воздуха. Стража Каэлора в замешательстве посмотрит на господина, и в этот момент...

Он достал из-за пазухи тяжелый кожаный мешочек и вложил его в мою руку.

— Это твоя работа. Пока я буду петь приветственную балладу, ты должна пробраться к жаровням у входа. Внутри этой смеси — измельченная сушеная чемерица и кое-какие металлы, которые я собирал годами. Как только порошок коснется углей, зал заполнит густой, едкий дым. Он не только скроет вас, но и перебьет магический след. Некроманты не могут колдовать, когда не видят цели и не могут вдохнуть.

Я сжала мешочек.

— А мне что делать?

— Ты — та, кто окажется ближе всех, — глаза Лиамы сверкнули. — Подхватишь Эланиэль под руку. Скажешь страже, что ведешь её в сад к фонтанам. В дыму никто не разберет, кто ты. Доведешь её до южной калитки. Там, в конюшнях, есть один мой старый должник — конюх Дрогл. Он подготовит двух лошадей.

— Двух? — я прищурилась. — А как же я?

Лиам посмотрел на меня с тяжелым вздохом.

— Третья лошадь будет привязана у ручья. Если всё пойдет по плану, ты успеешь добежать до неё, пока они будут разбираться с дымом.

Я посмотрела на мешочек, потом на Лиаму. План был безумным, дерзким и чертовски опасным. Вот же я влипла.

— Ты уверен в этом? Без меня что, никак?

— Ты — наш единственный шанс, — Лиам взял меня за

плечи. — Завтра, когда Каэлор начнет читать заговор, не жди команды. Просто делай.

Ну конечно, ему-то легко сказать. Ну Лана, назад пути нет. Я кивнула, еще не зная, что меня ждет.

День Единения начался с удушающей тишины. Замок был залит солнечным светом, но в тронном зале царил полумрак, разгоняемый лишь тяжелыми бронзовыми жаровнями. Воздух был пропитан ароматом дорогих благовоний и запахом смерти, который всегда исходил от мантии Каэлора. Я стояла в тени колонны, облачившись в серую форму, которую заставили одеть всем младшим служанкам. Полная безвкусица. Мешочек с порошком Лиам жег мне бедро, спрятанный в глубоком кармане юбки. Мои ладони вспотели так, что я едва не выронила кувшин с вином, который держала для прикрытия.

— Идет... — прошелестело в толпе придворных.

На вершине лестницы появилась Эланиэль. В платье из тяжелого белого шелка, расшитом жемчугом, она казалась призраком. Каэлор ждал её внизу, у алтаря, его бледное лицо не выражало ничего, кроме холодного триумфа. Лиам стоял на возвышении для музыкантов. Он взял первый аккорд на лютне — это был сигнал. Чистый, звонкий звук прорезал тишину зала. На середине лестницы Эланиэль вдруг пошатнулась. Её рука судорожно вцепилась в перила, лицо стало мертвенно-бледным. Она издала тихий стон, который в звенящей тишине прозвучал как гром.

— Воздуха... — прошептала она, оседая на ступени. — Мне... душно...

Стража замаялась. Гвардейцы в растерянности переглянулись, глядя то на принцессу, то на Каэлора. Некромант прищурился, его пальцы начали сплетаться в защитном жесте, он почувствовал фальшь.

«Сейчас или никогда!» — ударило в моей голове.

Я рванулась к ближайшей жаровне, делая вид, что споткнулась от испуга.

— Ой! Господи, принцессе плохо! — вскрикнула я, и в тот же миг моя рука нырнула в карман.

Я выплеснула содержимое мешочка прямо в пылающие угли. ПШ-Ш-Ш-Ш! Зал наполнился оглушительным шипением. Вместо привычного дыма из жаровни вырвался густой, плотный столб сизого тумана. Он расширялся со скоростью взрывной волны, поглощая колонны, гвардейцев и самого Каэлора. Люди начали кашлять — едкая чемерица жгла горло.

— Измена! — взревел Каэлор, но его голос утонул в хаосе.

Я рванула к лестнице, ориентируясь по памяти.

— Ваше Высочество, за мной! — я схватила Эланиэль за ледяную руку. Она вскочила, сбросив оцепенение, и мы бросились к боковому выходу в сад.

Дым был настолько густым, что я видела только подол её белого платья. Мы выскочили в сад, где воздух был чище, и помчались к южной калитке. У конюшен действительно

ждал конюх. Он молча посадил Эланиэль на лошадь. В этот момент из тумана за нашей спиной вылетел Лиам.

— Скачите! — крикнул он, хватая поводья второй лошади. — Лана, к ручью! Быстро!

Эланиэль бросила на меня последний, полный благодарности и ужаса взгляд, и они с Лиамом сорвались в галоп, исчезая в лесной чаще. Я развернулась, чтобы бежать к ручью, но путь мне преградила высокая фигура. Из тумана, который медленно оседал, вышел лорд Валериан. В его руке был обнаженный клинок, а на лице — холодная, торжествующая улыбка.

— Куда-то торопишься, Селебрин? — вкрадчиво спросил он.

Я попыталась метнуться в сторону, но сильный удар в спину сбил меня с ног. Тяжелый сапог гвардейца прижал мою руку к земле.

— Беглецов перехватят на границе, — Валериан посмотрел на замок, откуда уже выбегали разъяренные "телохранители" Каэлора. — А ты... ты ответишь за каждый грамм этого порошка.

Лорд Валериан смотрел на меня, как на раздавленное насекомое. Где-то вдали, за стеной деревьев, затих стук копыт. Они ушли.

Большое тебе спасибо, Лиам, — подумала я, и эта мысль была пропитана чистейшим ядом. — Я буду помнить твою "доброту" всю оставшуюся жизнь. Жаль только, что жизнь

эта, судя по всему, продлится ровно до завтрашнего утра... если оно вообще для меня наступит. Я видела, как Валериан шепнул что-то подоспевшему гвардейцу, и поняла, что надежды нет. Лиам обещал третью лошадь, обещал шанс, но в итоге всё сложилось так, как и должно было: благородные спаслись, а пешка осталась в капкане.

— Эгоистичный выродок, — прохрипела я, сплевывая набившуюся в рот пыль.

Удар рукоятью меча обрушился на затылок, и мир окончательно погрузился в милосердную тьму. Я проснулась в абсолютной темноте. Первым делом в голову постучалась пульсирующая боль, а вторым — мысль: «Твою же дивизию! Тут даже окна нет. Я попыталась пошевелиться, и тело тут же отозвалось протестующим стоном. Лежала я на чем-то твердом и ледяном — то ли это была каменная лавка, то ли погребальная плита, черт её разберет в таком сумраке. Затылок разламывался там, где мне круто вlepили рукоятью меча. Сволочи. Эльфы-садисты. В книжках их описывают как возвышенных созданий, а на деле — обычные каратели в накрахмаленных воротничках. Метрах в десяти от моей клетки — если это каменное корыто вообще можно так назвать — тускло мерцал факел. Из-за толстых прутьев решетчатой двери разглядеть что-то еще было невозможно. Темнота вокруг казалась плотной, почти осязаемой. Было чертовски холодно. Руки и ноги окончательно окоченели. Я попыталась сесть, стуча зубами от озноба. Да уж... неужели я сегодня

сдохну? — мелькнула в голове непрошенная мысль. — Может, на этот раз окончательно? Без всяких там переселений душ и эльфийских замков? Фиг знает. Ответа не было, только тишина, нарушаемая звуком капающей воды где-то в глубине коридора. В порыве бессильной злости я доползла до двери и пнула её ногой. Дзинь! — отозвалось железо. Тяжелый замок даже не шелохнулся. Тщетно. Убежать мне, увы, не получится. Остается только сидеть в этой сырости и ждать свою участь, поминая добрым словом Лиамы и всю его родню до десятого колена. Чертовы остроухие. Не знаю, сколько дней прошло. От холода и голода крыша начала съезжать окончательно. Начала вспоминать упреки Розы Мусаевны и сволочных коллег и мысленно ругаться с ними. А чтобы не превратиться в лед в этой «морозилке», я прыгала и бегала на месте, пока перед глазами не начинали летать мушки. Считала до тысячи потом обратно — лишь бы не проваливаться в черную пустоту. В конце концов, устав от бега и бесконечных цифр, я провалилась в сон. Проснулась я от резкого скрежета. Дверь приоткрылась, и гвардеец, словно собаке, швырнул мне на пол обшарпанное железное блюдо. Сделал он это так быстро, будто боялся заразиться от меня чумой, и тут же захлопнул замок. Я зажмурилась, морщась от резкого света факела. Когда зрение вернулось, я доползла до «подарка». На блюде лежал кусок мягкого хлеба и нечто вязкое, липкое «Неужели садисты вспомнили о моем существовании? — мелькнула едкая мысль. Решили подкормить

перед бойней? Желудок скрутило судорогой, он завыл, как голодный волк на морозе. Но я замерла. А если отравлено? Вдруг они решили избавиться от меня по-тихому, без лишнего шума и палачей? Быстрая смерть от яда или медленное гниение здесь? Выбор — закачаешься.

— Ну уж нет, — прохрипела я в пустоту камеры. — Слишком просто. Потерплю.

Но через сутки голод стал невыносимым. Он выжигал всё изнутри, заставляя руки трястись. Черт! Что лучше: сдохнуть от яда сейчас или ждать, пока мне отрубят голову на рассвете? Я дрожащими пальцами отломила крохотный кусочек хлеба. Принюхалась. Пахло просто кислым тестом. Ладно, рискнем. Я положила крошку на язык. Желудок отозвался таким воплем, что, казалось, его услышали во всем подземелье. Я медленно жевала, прислушиваясь к ощущениям. Язык на месте? Вроде не немеет. Прошло два часа. Я сидела, забившись в угол, и ждала, когда начнутся конвульсии. А если это медленно действующий яд? Да какая уже разница... Психанув, я набросилась на еду. Руками, давясь, я запихивала в рот эту непонятную вязкую кашу. На вкус — как опилки с клейстером, но сытно. Уроды. Хоть бы каплю воды дали. Они что, всерьез надеются, что я подавлюсь этим хлебом и сдохну от удушья, избавляя их от хлопот с казнью? Не дождетесь. Прошло наверное по меньшей мере три дня, как меня кинули в это сырую яму, но это мне так кажется. Не разберешь то ли утро то ли ночь. Тяжелый засов лязгнул, и в

камеру ворвался свет факелов, больно ударив по отвыкшим от солнца глазам. Вошел Аურიус. За три дня он будто постарел на десять лет: щеки ввалились, взгляд метался. Следом, как воплощение самой ночи, скользнул Каэлор.

— Казнить её! — голос Аურიуса сорвался на визг. — Она — единственная нить! Она помогла им! Раз она не говорит, где они прячутся, пусть её голова украсит пику у главных ворот! Повесить её на рассвете!

Мысленно я спросила: А разве ты спрашивал? Ты древний болван. И вообще откуда мне знать, куда поскакал этот предатель? Я подняла голову, глядя на них сквозь сальные, спутанные волосы. Внутри было пусто. Страх выгорел, осталась только тупая, серая усталость и злость.

— Если бы я знала, куда они ушли, то сказала бы вам сразу! — мой голос прозвучал хрипло, как треск сухих веток. — Мне моя голова дорога, ясно? На фига мне скрывать такое? Это же самоубийство — покрывать того, кто тебя бросил в этом гадюшнике. Я их не защищаю, я просто не знаю!

Я подняла голову, глядя на них сквозь спутанные волосы. Внутри было пусто. Страх выгорел, осталась только тупая, серая усталость. Каэлор медленно подошел к решетке. Он не выглядел расстроенным. Напротив, в его глазах горел странный, почти научный интерес. Он поднял руку, и Король мгновенно замолчал.

— Смерть — это слишком расточительно, Ваше Величество, — тихо произнес некромант. — Эта девчонка... Она

очень странная, не похожа на других. Её душа источает такую чужеродную энергию, что это сбивает мои поисковые заклѣтия.

Он обернулся к Ауриусу, и его глаза на миг вспыхнули мертвенным светом:

— Я забираю её. Завтра мой обоз уходит обратно в Чернолесье. Она станет моим новым «материалом». В глубинах моих склепов, под корнями древних деревьев, я проведу ритуал Разделения. Я хочу знать, как рассечь её душу так, чтобы одна часть осталась в моих руках, а другая — отправилась искать беглецов за гранью видимого мира. Она станет моей ищейкой. И поверьте, в безмолвиимых подземелий она заговорит гораздо охотнее, чем на виселице.

Король вздрогнул, но кивнул, торопливо отступая к выходу. Каэлор снова посмотрел на меня, и на его бледных губах промелькнула едва заметная, пугающая улыбка.

— Собирайся, служанка. Твоя новая жизнь в Черном лесу будет долгой. Очень долгой. Если, конечно, то, что от тебя останется, можно будет назвать жизнью.

Глава 7

Слова некроманта застряли в голове, как зазубренная стрела. «Рассечь душу»... Что это вообще значит на языке местных психопатов? Неужели он собирается препарировать моё сознание, как в каком-то хорроре, только вместо скальпеля — черная магия? Будет проводить надо мной опыты, как над подопытным кроликом в школьном кабинете биологии? От этих мыслей в животе завязывался тугой узел, а воображение рисовало картины одну страшнее другой. Но долго рефлексировать мне не дали. Вскоре дверь камеры с грохотом распахнулась. Пришел гвардеец — огромный, пахнущий старым железом. Не говоря ни слова, он схватил меня за шкуру, как паршивого котенка, и буквально выволок из этого подземелья. Ноги, затекшие и ослабевшие от холода, едва слушались, я постоянно спотыкалась о выщербленные ступени. Мы долго поднимались вверх по бесконечным каменным лестницам. Каждый пролет давался с трудом, легкие обжигал спертый воздух замковых коридоров. А когда мы, наконец, вышли на улицу, мир взорвался невыносимой белизной. Я сильно зажмурилась, прикрывая лицо локтем. Дневной свет резал отвыкшие от солнца глаза, словно тысячи раскаленных игл. Слезы потекли по грязным щекам, а в ушах зашумело.

— Шевелись, дрянь! — рявкнул гвардеец, толкая меня в

спину.

Когда я, наконец, смогла приоткрыть веки, передо мной предстала картина, от которой захотелось завыть. Посреди двора, окруженная всадниками в темных плащах, стояла она — узкая железная клетка на тяжелых колесах. Мой персональный гроб на ближайшие недели пути. Я обернулась, бросая последний взгляд на замок. Это место должно было стать моим спасением, а стало склепом. И где-то там, за горизонтом, Лиам сейчас, наверное, греется у костра и утешает свою принцессу. Надеюсь, менестрель, что ритуал Каэлора не срывается, — зло подумала я, заходя в клетку. — Потому что если я стану его ищейкой, я найду тебя первым. И это будет совсем не дружеский визит. Я стояла перед этой клеткой, не в силах шевельнуться. Она выглядела как насмешка: узкий железный остов, в котором нельзя было даже выпрямиться в полный рост. Ржавые прутья хищно поблескивали на солнце, а от дна, устланного гнилой соломой, несло сыростью и безнадегой.

— Залезай, — буркнул гвардеец, толкая меня в плечо.

Я не двинулась. Ноги словно вросли в брусчатку замкового двора. В голове билась одна-единственная мысль: Если я сейчас зайду туда, я больше никогда не буду прежней Ланой. Я стану зверем в клетке. Собственностью некроманта. Мое замешательство длилось недолго. Двое воинов Каэлора — молчаливые, в серых масках, скрывающих лица — подошли сзади. Без лишних слов они подхватили меня под руки.

Я дернулась, попыталась брыкнуться, но хватка была железной. Меня буквально вышвырнули внутрь, как мешок с костями. Лязг! Тяжелая решетка захлопнулась, и замок щелкнул с окончательностью приговора. Я вцепилась пальцами в холодные прутья, глядя на мир через мелкую сетку железа.

— Вперед! — донеслась отрывистая команда.

Повозки вздрогнули и тяжело тронулись с места. Колеса заскрипели по камням, отдаваясь в зубах невыносимой вибрацией. Нас сопровождал целый отряд: мрачные всадники в черных латах, чьи лошади храпели, выдыхая серый пар. Каэлор ехал впереди на своем вороном жеребце, ни разу не обернувшись. Замок медленно уменьшался. Его высокие башни, где я еще неделю назад чистила столовое серебро и мечтала о свободе, теперь казались декорациями к чужому, закончившемуся сну. Мы выехали за ворота. Грязь из-под копыт летела прямо мне в лицо, но я даже не утиралась. Я смотрела на дорогу, уходящую в сторону Черного леса. Ну что, Лана, приплыли, — подумала я, сползая на солому и обхватывая колени руками. Никаких чудесных спасений. Только ты, клетка и некромант, который хочет залезть тебе в душу. Повозки — или как там у них называется этот стяг — катились вперед без остановок, пока солнце не начало лениво сползать за горизонт, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Мы остановились где-то в густом лесу, на берегу узкой, быстрой речки. Я видела, как гвардейцы начали суетиться: затрещали сучья, вспыхнул костер, и вскоре по лаге-

рю поплыл сводящий с ума запах жареного мяса. Мой желудок, и так не знавший покоя, отозвался таким громким урчанием. Хоть бы кусочек... маленький обгорелый край, — обреченно подумала я, сглатывая вязкую слюну. Большинство воинов Каэлора ушли к костру, подальше от моей клетки, скрывшись в тенях деревьев. Но один дозорный остался. Он стоял метрах в пяти, опершись на копье, и неподвижно смотрел в сторону леса. Ну уж нет, Лана, соберись. Тебе нужно бежать, — твердила я себе, вжимаясь в прутья. — Но как выбраться из этой железной клетки, если за тобой присматривают 24 на 7? Я не сводила глаз с караульного. Неужели этот гребаный солдат не хочет жрать? Неужели аромат жареного фазана не пробивает его дисциплину? Я ждала, затаив дыхание. Мой единственный шанс — если он хоть на минуту потеряет бдительность. Ну же... может, он решит перекинуться парой слов с товарищами? Или у него, в конце концов, сработает зов природы, и он отойдет в кусты справить нужду? Каждая секунда тянулась как вечность. Я начала ощупывать прутья клетки, надеясь найти хоть один слабый засов или проржавевшее крепление. Если я не выберусь сейчас, в Черном лесу меня ждет нечто похуже голода. Удача улыбнулась мне неожиданно. Из глубины лагеря донесся чей-то хриплый окрик, и мой надзиратель, нехотя оторвавшись от копья, буркнул что-то себе под нос и зашагал в сторону костра. Видимо, его позвали на раздачу или сменить кого-то из своих. Сейчас или никогда! — ударило в висках.

Я рванулась к двери клетки. Пальцы, немеющие от холода и страха, вцепились в массивный замок. Я тянула, дергала, пыталась нащупать хоть малейший люфт в засове. Железо было ледяным и безжалостным. Я лихорадочно оглядывала дно клетки — может, гвоздь? Обломок кости? Хотя что-то, чем можно ковырнуть механизм! Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Пять минут. Пять минут свободы, за которые я успела только содрать кожу на пальцах и окончательно убедиться: этот замок делали не для того, чтобы его открывали изнутри обычные смертные. Шаги. Тяжелые, размеренные. Я едва успела отпрянуть в угол и зарыться в солому, когда дозорный вернулся. В руках у него было знакомое железное блюдо и глиняная кружка, от которой шел едва заметный пар. Он подошел к клетке и, даже не глядя на меня, просунул еду через нижние прутья.

— Ешь, — коротко бросил он и снова занял свой пост, вытянувшись в струнку.

Я смотрела на блюдо. Там лежал кусок того самого жареного мяса — обгорелый, жилистый, но пахнувший так, что во рту моментально стало мокро. Рядом — черствый хлеб. И вода. Настоящая, чистая вода. Он ушел на свои пять метров, превратившись в безмолвное изваяние. Я медленно потянулась к кружке, чувствуя, как дрожат руки. Побег сорвался, не успев начаться. Теперь я была заперта не только железом, но и собственным бессилием. Пять минут, Лана. У тебя было пять минут, а ты даже замок не поцарапала, — я

горько усмехнулась, поднося кружку к губам. — Добро пожаловать в реальный мир, где отмычки не валяются под ногами, а некроманты не оставляют ключи в замочных скважинах. Я жадно припала к воде, чувствуя, как она обжигает горло. Теперь, когда желудок получил хоть какую-то подачку, страх начал сменяться ледяной, расчетливой яростью. Прошло часа три, не больше. Лагерь ожил внезапно и без единой команды. Гвардейцы поднялись со своих мест слаженно, как детали одного механизма. Костры никто не тушил — они просто догорели, оставив после себя лишь серый пепел. Хм... — подумала я, вжимаясь в солому. — Похоже, у этих ребят в глазах встроен режим ночного видения. Или они просто видят мир как-то иначе, по-некромантски. Внезапно лошади заржали. Но это не был обычный лошадиный крик — звук был неестественным, надрывным, словно ржали не живые существа, а призраки, запертые в плоти. Мне даже показалось, что их глаза в густой лесной тьме вспыхнули ярким, ядовито-зеленым светом, превратившись в два жутких фонаря. Внутри всё сжалось. Появился тот самый мандраж, который накрывает перед неизбежной катастрофой. Я начала дрожать, и дело было не только в ночной прохладе — воздух вокруг клетки стал липким и ледяным, от него перехватывало дыхание. Стало не по себе так, что захотелось забиться под пол повозки и не дышать. Лошади тронулись с места. Без скрипа колес, без лишнего шума — отряд просто скользнул в темноту леса, словно раство-

ряясь в ней. Ритмичный стук копыт теперь казался мне обратным отсчетом. Мы уходили всё глубже в чащу, и я понимала: замок, Лиам и вся моя прошлая жизнь окончательно остались позади. Впереди был только Черный лес и некромант, чья магия заставляла лошадей светить глазами во тьме. Я отшатнулась от прутьев, чувствуя, как сердце обрывается и падает куда-то в пятки. В тумане, прямо на уровне моих глаз, бесшумно выплыло нечто. Это было лицо. Изуродованное, страшное лицо призрака, охваченное призрачным зеленым пламенем. Сквозь полупрозрачную, опаленную кожу, туго обтягивающую скулы, явственно проглядывались кости черепа. Провалы глазниц полыхали ядовитым светом, а искаженный в беззвучном крике рот обнажал ряд острых, пожелтевших зубов. Тварь зависла в сантиметре от решетки, скалясь в вечном, застывшем кошмаре. Мир перед глазами качнулся. Инстинкты самосохранения, накопленные за годы жизни в нормальном мире, дали сбой. Я забилась в дальний угол клетки, чувствуя, как горло раздирает дикий, животный крик.

— А-а-а-а-а! — завопила я так, что, кажется, птицы за-
мертво попадали с веток. — Уйди! Сгинь, тварь! Что это во-
обще за хрень?! Вы что, издеваетесь?!

Я отмахивалась руками, хотя понимала, что железо клет-
ки не защитит от призрака. Мой крик эхом разлетался по
затихшему лесу, дико резонируя с благородным и мрачным
пафосом эльфийского отряда. Всадники даже не обернулись.

Для них этот летающий кошмар был обычным делом, вроде придорожной пыли. Изуродованное лицо наклонилось вбок, словно изучая мою реакцию, издало сухой костяной щелчок и медленно растворилось в тумане, оставив после себя лишь запах озона и мой сбившийся, панический хрип. Это был последний удар по моей и без того трещащей по швам психике. Я ждала чего угодно: удара, окрика, ледяного молчания... но не этого. Сначала хмыкнул мой дозорный. Затем смешок подхватил всадник слева, а через секунду весь отряд захлебнулся в жутком, синхронном хохоте. Это не был обычный человеческий смех — это был лязг железа по камню, сухой хруст костей и шелест опавшей листвы. Уроды. Они смеялись надо мной, над моим страхом, над моим криком, который в этом древнем лесу звучал как писк раздавленной мыши. От этого звука, умноженного эхом Черного леса, мне стало не просто страшно — меня накрыла волна тошноты и ледяного оцепенения. Воздух в клетке будто превратился в свинец. Смех закладывал уши, вибрировал в позвоночнике, вытесняя из головы последние остатки здравого смысла.

— Твари... — выдохнула я, чувствуя, как перед глазами расплываются черные пятна.

Мир качнулся. Лица всадников в масках начали плавиться, превращаясь в те самые изуродованные призрачные маски, а светящиеся глаза лошадей слились в одну сплошную зеленую полосу. Солома под коленями показалась неожиданно мягкой. Последнее, что я услышала перед тем, как оконча-

тельно провалиться в пустоту — это захлебывающийся, торжествующий хохот Каэлора, который перекрывал всё остальное. Я проснулась не от крика, а от неестественной, звонкой тишины. Первым делом в глаза бросился балдахин из тяжелого, темно-синего бархата. Под собой я чувствовала не гнилую солому, а мягчайшую перину и шелковые простыни. Комната была богато обставлена: резная мебель из черного дерева, серебряные подсвечники, старинные гобелены на стенах. Это было так непохоже на темницу, что я на миг решила, будто всё еще сплю. Я резко села в кровати, и тут же мой взгляд упал на фигуру в углу. На стуле, словно застывшее изваяние, сидела девушка. У неё было мертвенно-бледное лицо, длинные, спутанные черные волосы, спадающие на плечи, и простое белое платье, больше похожее на саван. Я вспомнила тот ужасник, которое смотрела еще когда училась в седьмом классе.

— Твою мышь, она так похожа на ту страшную девушку из "Звонка"! — пронеслось в голове, и сердце тут же забилось о ребра, как бешеное.

— Всё. Мне точно конец. Это какая-то извращенная попытка комфортом. Паника накрыла с головой. Я сорвалась с кровати, путаясь в шелковых простынях, и бросилась к массивной дубовой двери. Вцепилась в ручку, дернула раз, другой... Наглухо. Заперто снаружи. Девушка в белом вдруг медленно встала со стула. Она подняла голову, и её волосы расступились, открывая лицо. Это зрелище надо было видеть. Вместо

глаз у неё были две бездонные, абсолютно пустые глазницы, источающие могильный холод.

— А-а-а-а! — дикий крик застрял в горле, вырвавшись наружу сиплым хрипом, когда я отпрянула от двери начиная колотить по дубу кулаками. — Откройте! Помогите! Уберите её!

Щелк! Тяжелый засов лязгнул, дверь отворилась, и в комнату, пригибаясь, чтобы не задеть косяк, зашел сам Каэлор. В домашней обстановке, без лат, в простой черной тунике, он казался еще выше и бледнее.

— Уже проснулась, служанка? — ухмыльнувшись, спросил он. В его голосе не было ни капли сочувствия, только ледяное любопытство.

Я замерла, прижавшись спиной к двери, и с трудом выговорила, указывая дрожащим пальцем на фигуру в углу:

— Эттто... Это что? Призрак?

— Ну конечно, это призрак! — Каэлор закатил глаза, словно я спросила, мокрая ли вода. — Нария, тебе пора.

Он сказал это таким скупающим, будничным тоном, будто давал указание горничной сменить полотенца в ванной, а не отсылал неуспокоенную душу обратно в бездну. Нария молча кивнула, её фигура начала вибрировать, истончаться и через секунду растаяла в воздухе, оставив после себя лишь запах озона. Каэлор же медленно подошел к столу, на котором стоял серебряный поднос с едой, и повернулся ко мне.

— Садись, — приказал он. — Нам нужно поговорить о

твоей новой роли.

— Моей новой роли? — переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно тупее и невиннее. Я состроила гримасу крайнего непонимания, мысленно молясь всем богам, которых знала: «Хоть бы он передумал, хоть бы это было ошибкой! Может, он просто решил сделать меня своей новой немой принцессой? Какое, к черту, Разделение Души? Если она вообще у меня есть...

Каэлор подошел к столу и медленно опустился в кресло напротив. Его бледные пальцы начали плести в воздухе сложный, едва заметный узор, отчего свет свечей начал неприятно мерцать.

— Ты будешь моей ищейкой, — его голос звучал так буднично, будто он обсуждал меню на ужин. — Я проведу ритуал, который отделит твою душу от этого брэнного тела, и превращу тебя в Призрачную Ищейку. Твоей единственной целью будет найти принцессу Эланиэль и этого бродячего музыканта, где бы они ни прятались — на этом свете или за его гранью.

Я замерла, боясь даже вздохнуть. Мир вокруг меня начал рушиться. Он всё-таки собирается это сделать.

— Твое тело слишком слабо для моей магии, — продолжил некромант, и его взгляд вдруг стал ледяным и пронзительным. — А твоя душа... она слишком уникальна. Я вижу тебя насквозь, служанка. Я вижу, что твоя душа не принадлежит этому телу. Она пахнет другим миром так сильно, что

это сбивает мои поисковые заклęcia.

По спине пробежал холод. У меня перехватило дыхание. Похоже, этот тип действительно всё знает. Он видит меня насквозь — не Селебрин, а меня, Лану из офиса. Моя маскировка рассыпалась. А что, если... Вдруг в голове вспыхнула шальная, отчаянная мысль. А что, если договориться с ним? Найду ему Лиаму, сдам его и Эланиэль со всеми потрохами, а он за это отпустит меня домой? Ну, или хотя бы просто отпустит, не разделяя душу на запчасти. Лиам, прости, — подумала я с горькой усмешкой, — но моя шкура мне дороже. Ты сам меня бросил. Я сглотнула вязкую слюну, собираясь с силами, чтобы озвучить свое предложение. Но прежде чем я успела открыть рот, в голове возник еще один, гораздо более важный вопрос. И вообще, есть ли выход из этого царства мертвых? Даже если я сдам ему всех, кто гарантирует, что он меня не обманет и не превратит в призрака, просто потому что ему так удобнее? Я посмотрела на Каэлора, который с ледяным спокойствием ждал моей реакции. Кажется, моя попытка сыграть в ищейку-дипломата только что закончилась, даже не начавшись.

Я подняла голову, заставляя себя посмотреть в его ледяные эльфийские глаза.

— У меня есть предложение, — мой голос прозвучал на удивление твердо, хотя руки в кресле дрожали. — Вы хотите найти Лиаму и принцессу. И я единственный человек, который знает, как он думает. Я найду их для вас. Я приведу вас

к ним, где бы они ни прятались. Но в обмен...

Я сделала паузу, ожидая, что он прервет меня, но Каэлор лишь слегка наклонил голову, продолжая плести свой невидимый магический узор.

— В обмен вы отпустите меня, — выдохнула я. — Целой и невредимой. Не в виде призрака, не разделенной на части. Вы просто дадите мне уйти.

Тишина в комнате стала удушающей. Каэлор замер, его пальцы перестали двигаться. Он смотрел на меня, словно изучал редкий, любопытный образец насекомого, который вдруг заговорил. Ухмылка исчезла с его лица, сменившись выражением ледяного безразличия.

— Гм, — наконец произнес он. — Я подумаю над этим. Твое предложение... любопытно. И оно может быть быстрее, чем Разделение Души. Если, конечно, ты не лжешь.

Он резко встал, отчего кресло неприятно скрипнуло. Я инстинктивно вжалась в спинку своего сиденья.

— А теперь тебе нужно позавтракать, — бросил он, уже направляясь к выходу. — Ты должна быть полна сил, когда я приму решение.

Тяжелый засов за ним захлопнулся с окончательностью приговора. Я сползла на пол, чувствуя, как адреналин сменяется тупой усталостью. «Я подумаю», — это не «нет», но и не «да». В его царстве мертвых никто не гарантирует, что он сдержит слово. Прошло минут пять, которые показались мне вечностью. Я сидела в кресле, уставившись в стену, когда в

дверь постучали. Сердце снова ушло в пятки. Твою мышь, Звонок вернулась? — пронеслось в голове.

Дверь отворилась, и в комнату зашла служанка-эльфийка. Она не была призраком — я почувствовала запах кислых трав и старого железа, когда она прошла мимо. Бледная, с опущенным взглядом, она не проронила ни слова. В руках у неё был тяжелый серебряный поднос, который она молча поставила на стол и тут же вышла, не дожидаясь ответа. Я подошла к столу. После недели голода в клетке, запах еды подействовал на меня как наркотик. На подносе дымилось свежезапеченное мясо — золотистая корочка, аромат трав. Рядом лежали спелые фрукты, источающие сладкий аромат, и бокал с водой. Но больше всего меня поразил кусок пирога. Это был яблочный пирог, такой, как пекла моя бабушка, с хрустящей крошкой и корицей. Я сглотнула слюну, чувствуя, как желудок начинает выть от голода. Это был завтрак приговоренного. Еда была невероятно вкусной, но каждый кусок застревал в горле. Подумаю над этим, — эти слова крутились в голове. Договориться с некромантом в его собственном Цитадели... это либо гениальный ход, либо самое тупое решение в моей жизни.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.